

Chruščov, Ivan P.

Pamjati grafa I. D. Deljanova

S.-Peterburg 1898

Biogr. 3344 u

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11861480-9

Biogr.

3344

u

u

Biogr. 3344

<36625134130011

<36625134130011

Bayer. Staatsbibliothek

И. И. Хрущовъ.

ПАМЯТИ
ГРАФА И. Д. ДЕЛЯНОВА.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ.

Фунд. 028.4

Кл. 3 1204

Изд. LXIVII.

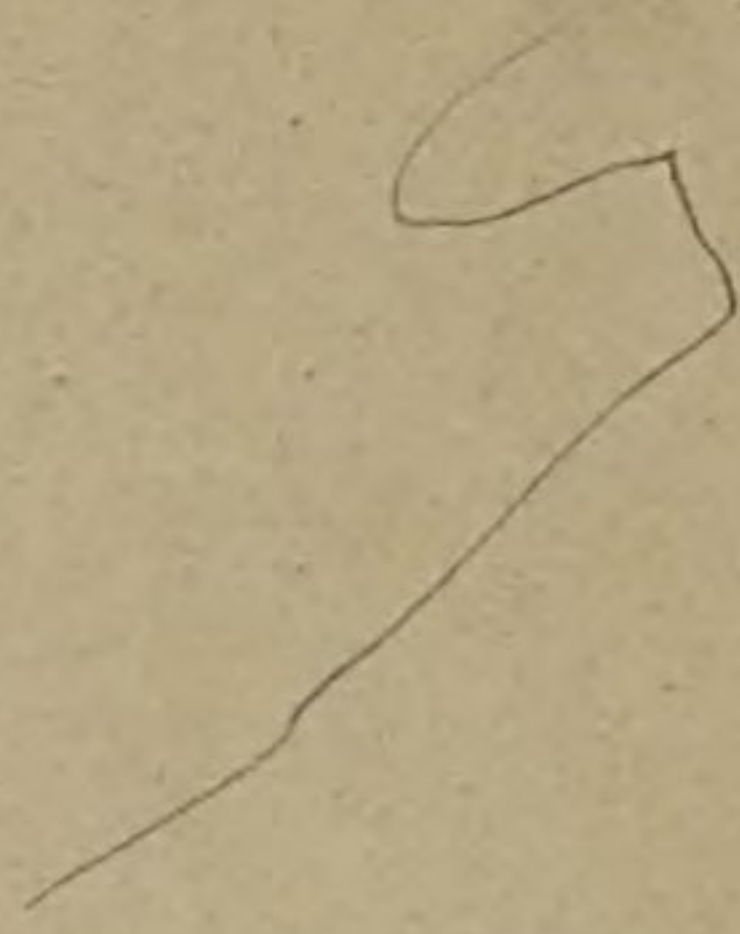
№ 8

Чл.

7690.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Акинфіева и И. Леонтьева, Бассейная ул., № 48.
1898.

Възд. Ил.
рм

И. И. Хрущовъ.

28 $\frac{6}{40}$

40

ПАМЯТИ

ГРАФА И. Д. ДЕЛЯНОВА.

Фунд. 6152

Собр. 3 гл.

Истор. LXXXVII.

Возраст 1.

№ 41.

Возраст 4690.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Акинфіева и И. Леонтьева, Баесейная ул., № 48.

1898.

Biogr. 3344 u

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Мая 1898 г.

Ff 192/50286

«Въ судахъ государственныхъ...
ники не всегда вѣрные судьи: имъ
смотреть на нихъ вблизи. Судъ на
точности своей требуетъ нѣкотораго
вѣста дѣйствія, требуетъ соверше-
ныхъ давностей, которыя переходятъ
и потомства. Современные приговоры
на неосновательные слухи, на догадки, на
предубѣжденія, которыя приводятъ къ
ключеніямъ» *).

Приводя эти слова одного изъ замѣчательныхъ
писателей, мы ими оправдываемъ свое
не касаться сколько это возможно государственнаго
графа Ивана Давыдовича. Наши старинныя
дополненіемъ къ свидетельствамъ другихъ
ковъ и вызовутъ новыя дополненія. Будущее
кому дорога память покойнаго. Будущее
отвергнетъ подробности.

*) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Яковлева.
VII, 172—180.

«О заслугахъ государственныхъ дѣятелей современники не всегда вѣрные судьи: именно потому, что они смотрятъ на нихъ вблизи. Судъ надъ ними для безошибочности своей требуетъ нѣкоторой отдаленности отъ мѣста дѣйствія, требуетъ совершенія нѣсколько законныхъ давностей, которыя переходятъ въ область исторіи и потомства. Современные приговоры часто сбиваются на неосновательные слухи, на догадки, на пристрастные предубѣжденія, которыя приводятъ къ ошибочнымъ заключеніямъ» *).

Приводя эти слова одного изъ замѣчательныхъ нашихъ писателей, мы ими оправдываемъ свою задачу—не касаться сколько это возможно государственной жизни графа Ивана Давыдовича. Наши страницы послужатъ дополненіемъ къ свидѣтельствамъ другихъ современниковъ и вызовутъ новыя пополненія, цѣнныя для тѣхъ, кому дорога память покойнаго. Будущій біографъ не отвергнетъ подробностей.

*) *Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1882 г. VII, 173—180.

I have been thinking of you very much lately
and wondering how you are getting on.
I hope you are well and happy.
I have been very busy lately
but I have managed to find some time
to write you a few lines.
I have been thinking of you very much lately
and wondering how you are getting on.
I hope you are well and happy.
I have been very busy lately
but I have managed to find some time
to write you a few lines.
I have been thinking of you very much lately
and wondering how you are getting on.
I hope you are well and happy.
I have been very busy lately
but I have managed to find some time
to write you a few lines.

I.

У Давыда Артемьевича и Маріи Іоакимовны Деляновыхъ было два сына: Николай и Иванъ Давыдовичи и дочь—замужемъ за княземъ Манукъ-Беемъ.

Николай Давыдовичъ старшій на два года, скончался за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти графа. Онъ былъ женатъ на Еленѣ Абрамовнѣ Хвощинской. У него осталось три замужнія дочери (княгиня С. Н. Голицына, О. Н. Булыгина, М. Н. Акимова) и внука—дочь умершей дочери Е. И. Мясоѣдовой.

Иванъ Давыдовичъ Деляновъ родился въ 1818 году 30 ноября. День именинъ его былъ 26 сентября, день памяти апостола и Евангелиста Іоанна Богослова.

Отецъ его генераль-маіоръ Давыдъ Артемьевичъ Деляновъ былъ храбрый офицеръ, отличившійся при Суворовскомъ штурмѣ Праги, позднѣе—въ сраженіяхъ 1812 года, когда Наполеона, выступившаго изъ Москвы, вынудили избрать прежній путь на Смоленскъ.

Иванъ Давыдовичъ, рѣдко вдававшійся въ рассказы о быломъ, передавалъ мнѣ, когда я не могъ скрыть, во время путешествія, удивленія къ его спартанскимъ обычаямъ, къ выносливости, неустойчивости, равнодушію къ комфорту—передалъ мнѣ о своемъ воспитаніи, какъ отецъ приучалъ сыновей своихъ съ дѣтства ко всякому лишенію, какъ они съ братомъ спали иногда на полу, безъ

постели, и, сопровождая отца въ поѣздкахъ, приучались къ выносливости и терпѣнію.

Еще разъ графъ вспоминалъ съ умиленіемъ объ отцѣ своемъ, когда мы были подъ Смоленскомъ: «Здѣсь сражался отецъ мой».

По своей матери (Маріи Іоакимовнѣ) Иванъ Давыдовичъ былъ внукомъ Іоакима Лазаревича Лазарева, который вмѣстѣ съ братомъ своимъ былъ основателемъ Лазаревского института Восточныхъ языковъ въ Москвѣ, строителемъ церквей Армяно-Грегорианскихъ въ Петербургѣ и Москвѣ, щедро одаренныхъ домами, построенными на средства тѣхъ же братьевъ Лазаревыхъ. Въ «Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли» Бантыша-Каменскаго читаемъ краткій обзоръ богатства, предприимчивости и широкой благотворительности Ивана Лазаревича, котораго наслѣдникомъ и преемникомъ въ дѣлахъ благотворительности былъ братъ его Іоакимъ. Подъ статьею о Лазаревыхъ въ томъ-же Словарѣ подписано: «Изъ сообщенныхъ мнѣ записокъ внукомъ Ивана Лазаревича (т. е. внукомъ брата его Іоакима), студентомъ Императорскаго Московскаго университета Иваномъ Давыдовичемъ Деляновымъ».

Братья Марьи Іоакимовны Деляновой были: Христофоръ Іоакимовичъ, въ послѣдствіи тестъ Ивана Давыдовича, женатый на княжнѣ Манукъ-Бей, отецъ трехъ дочерей. Иванъ Іоакимовичъ—бездѣтный и Лазарь Іоакимовичъ, женатый на принцессѣ Биронъ,—отецъ княгини Урусовой. Сестры матери Ивана Давыдовича были Марѳа Іоакимовна въ замужествѣ за княземъ Давыдомъ Артемьевичемъ Абамелекъ и Елисавета Іоакимовна—за Арапетовымъ—бездѣтная.

Въ 1852 году Иванъ Давыдовичъ женился на дво-

юродной сестрѣ своей Аннѣ Христофоровнѣ Лазаревой. Старшая сестра ея Марья Христофоровна вышла замужъ за графа Нирода (генерала - лейтенанта), а младшая Елисавета за своего двоюроднаго брата князя Семена Давыдовича Абамелека. Эта свояченица Ивана Давыдовича была ангеломъ хранителемъ его до послѣднихъ минутъ его жизни, мужъ ея былъ въ самой первой молодости другомъ и какъ-бы лучшимъ братомъ Ивана Давыдовича. Холостыми они жили вмѣстѣ въ Петербургѣ подъ кровомъ общаго ихъ дяди Христофора Юхимовича Лазарева, женатыми въ одномъ домѣ, по одной лѣстницѣ, въ двухъ разныхъ этажахъ. Изъ родственницъ Ивана Давыдовича надо упомянуть двоюродную его сестру, родную сестру князя С. Д. Абамелека Анну Давыдовну Баратынскую. Одаренная дивной красотою она вызвала извѣстное стихотвореніе Пушкина *).

Мужъ ея бывшій Казанскимъ губернаторомъ умеръ въ 1859 году; сама Анна Давыдовна скончалась въ 1889 году. Она проводила жизнь въ Петербургѣ. Ея салонъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ по отборному обществу и умѣнью хозяйки вліять со стороны прекраснаго на окружающихъ. Сестра Анны Давыдовны княгиня Кугушева была матерью Анны Михайловны Толстой, о которой мы упомянемъ ниже по поводу предсмертной болѣзни графа. Двоюродная сестра графа

*) Вы были дивное дитя—писалъ къ ней Пушкинъ, вспоминая какъ онъ нянчилъ ее съ восхищеніемъ:

Вы разпѣли! съ благоговѣньемъ
Вамъ нынѣ поклоняюсь я;
За вами сердцемъ и глазами
Съ невольнымъ трепетомъ ношусь
И вашей славою, и вами
Какъ нянька старая горжусь.

княгиня Леонилла Лазаревна Урусова, по смерти мужа, служившаго за границей, переселилась въ Петербургъ въ 90-хъ годахъ. Изъ младшаго поколѣнія Иванъ Давыдовичъ ближе всѣхъ былъ къ дѣтямъ князя Семена Давыдовича и княгини Елисаветы Христофоровны Абамелекъ; княгини Ек. С. Мещерская, Елена С. Гагарина, графиня Елис. С. Олсуфьева и братъ ихъ, князь Семенъ Семеновичъ—выросли на глазахъ Ивана Давыдовича. Его нѣжною родственною любовью пользовались и дѣти княгини Урусовой (сынъ и три дочери).

Родовое имѣніе Деяновыхъ, Желѣзники въ трехъ верстахъ отъ Калуги принадлежало Николаю Давыдовичу и только туда — въ эту деревню ѣзжалъ Иванъ Давыдовичъ почти ежегодно на весьма короткое время *).

Когда стали появляться въ свѣтъ первые томы «Жизни и дѣятельности Погодина» Н. П. Барсукова, Иванъ Давыдовичъ читалъ ихъ съ особымъ удовольствіемъ. Онъ зналъ не только своихъ профессоровъ, но и тѣхъ старцевъ, которые принадлежатъ къ эпохѣ вступленія Погодина на службу въ Московскій университетъ; которые изъ нихъ были его домашними учителями. Подготавливая сыновей къ университету, родители не жалѣли средствъ и приглашали въ преподаватели къ сыновьямъ весь свѣтъ тогдашней учености. И. Д. очень хорошо учился съ отроческаго возраста и преуспѣвалъ въ познаніяхъ по латыни. Окруженный иностранцами, онъ владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языкомъ. Сверхъ ученія юноша Деяновъ занимался серьезно игрою на скрипкѣ; онъ до-

*) Усадьба расположена на горѣ, къ рѣкѣ спускаются сосны, на противоположномъ скатѣ лежитъ Лаврентьевъ монастырь, гдѣ похороненъ Николай Давыдовичъ.

стигъ довольно высокой степени въ игрѣ на этомъ инструментѣ—одномъ изъ самыхъ трудныхъ. Когда по мысли и желанію графа введена была музыка въ наши среднія заведенія, графъ горячо говорилъ мнѣ о ея образовательномъ значеніи и вспоминалъ свою игру на скрипкѣ.

Въ университетѣ графъ не только работалъ по своему факультету, курсъ котораго онъ окончилъ первымъ кандидатомъ, но даже успѣвалъ откликнуться къ сотрудничеству всѣхъ студентовъ Погодину и переводилъ для него вмѣстѣ съ товарищами, среднюю исторію Демишеля.

Въ 1896 году, проѣзжая со мною съ Покровки на Мясницкую, графъ показывалъ мнѣ домъ, гдѣ онъ родился и гдѣ жилъ, когда былъ студентомъ, въ Армянскомъ переулкѣ, не далеко отъ дома Лазаревыхъ.

Студенчество Ивана Давыдовича было въ то хорошее время Московскаго университета, когда вступилъ въ должность попечителя графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, который любилъ и помнилъ Деянова и въ свое время указалъ на него, какъ на министра.

По окончаніи курса въ университетѣ оба брата Деяновы поселились въ Петербургѣ. Николай и Иванъ Давыдовичи и ихъ двоюродный братъ князь Семень Давыдовичъ Абамелекъ жили подъ кровомъ ихъ общаго дяди Христофора Іоакимовича Лазарева, въ его домѣ, нынѣ принадлежащемъ Армянской церкви, по Невскому проспекту, противъ гостиннаго двора, въ нижнемъ этажѣ дома, по лѣвую сторону отъ воротъ. Дружба трехъ молодыхъ людей и ихъ совмѣстная жизнь съ семьей дяди, обитавшей на второмъ этажѣ, способствовала развитію спокойнаго, не суетнаго, не свѣтскаго типа, котораго Иванъ Давыдовичъ былъ представителемъ.

Служба Ивана Давыдовича принадлежала II отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, куда онъ поступилъ еще при графѣ Сперанскомъ. Тамъ онъ обратилъ на себя вниманіе графа Дмитрія Николаевича Блудова. Онъ участвовалъ въ разработкѣ вопросовъ, соприкасавшихся съ высшими духовными интересами государства и народа *). Въ послѣдствіи Иванъ Давыдовичъ былъ управляющимъ дѣлами секретнаго комитета о раскольникахъ. Какъ онъ относился къ дѣлу, можно судить по состоявшемуся тогда постановленію о допущеніи раскольниковъ имѣть свои училища или же учиться въ общихъ школахъ, посѣщая уроки православнаго законоучителя, или не посѣщая.

Въ домѣ графа Д. Н. Блудова, при постоянномъ общеніи съ нимъ, Иванъ Давыдовичъ развивалъ въ себѣ начала государственнаго патріотизма и гуманныхъ воззрѣній, въ кругу такихъ людей, какими былъ окруженъ тотъ, «кто другомъ былъ Карамзина». Иванъ Давыдовичъ сталъ близкимъ лицомъ къ семейству графа Блудова. Графиня Антонина Дмитриевна до конца жизни поддерживала дружбу съ Иваномъ Давыдовичемъ. Въ послѣдній годъ жизни графини, въ 1890 году, я проводилъ лѣто въ Царскомъ Селѣ, гдѣ она тогда жила въ Лицейскомъ флигелѣ дворца. Графъ Иванъ Давыдовичъ навѣщалъ ее, а по отъѣздѣ въ Калужскую деревню переписывался со мною о ея здоровьѣ и даже освѣдомлялся по телеграфу. Онъ былъ душеприказчикомъ графини Антонины Дмитриевны. Отъ 19 апрѣля 1891 года графъ Иванъ Давыдовичъ писалъ мнѣ изъ Петербурга:

*) Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія. Январь, 1898 г.—Некрологъ.

«Добрѣйшую Графиню Антонину Дмитріевну мы отпѣли. Она, благодаря Богу, не страдала передъ смертію и тихо скончалась. Хотя послѣднее время она была слаба и съ ней уже нельзя было разсуждать, но все таки послѣ нея чувствуется большая пустота».

При этомъ не могу не вспомнить какъ Иванъ Давыдовичъ живо передавалъ мнѣ о томъ, какъ графиня Антонина Дмитріевна, ожидая въ Кремлевскомъ дворцѣ пріѣзда грядущаго на коронованіе Государя Александра Александровича, во время торжественнаго вѣзда, пламенно молилась, трепетала и уповала на милосердіе Божіе.

Скромный, но выдающійся работникъ былъ оцѣненъ графомъ Блудовымъ и, въ министерство Абрама Сергѣевича Норова, сталъ членомъ главнаго цензурнаго управленія.

Въ 1858 году онъ получилъ мѣсто Попечителя С.-Петербургскаго Округа, во время управленія Министерствомъ Евграфа Петровича Ковалевскаго, когда Товарищемъ Министра былъ извѣстный писатель и поэтъ, другъ Пушкина и душа Арзамазцевъ, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Въ то время къ князю Петру Андреевичу писалъ П. А. Плетневъ: «Нашъ Деляновъ вышелъ прекрасный Попечитель. Онъ добръ, откровененъ и во всемъ дѣйствуетъ какъ надобно благородному, скромному и честному человѣку» *).

О попечительствѣ Ивана Давыдовича сохранилась память у многихъ. Его любили, ему вѣрили. Оставленіе

*) Московскія Вѣдомости. Николая Барсукова. Памяти графа И. Д. Делянова 2 Января 1898 г.

имъ на время этой должности представлялось непогодой, печальнымъ туманнымъ временемъ. Ко времени попечительства его относится и мое первое знакомство, но еще не съ нимъ, а только съ его именемъ. Это было лѣтомъ 1860 года, до поступленія моего въ Спб. университетъ. Лѣто я проводилъ въ деревнѣ моего брата, въ Новосильскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, по сосѣдству съ семействомъ Писаревыхъ. В. Д. Писарева передавала намъ печальныя подробности душевной болѣзни ея сына, даровитаго студента С.-Петербургскаго университета и въ этихъ подробностяхъ игралъ видную роль Попечитель Деяновъ. Онъ самъ помѣстилъ заболѣвшаго юношу (ему извѣстнаго только какъ студента) въ лечебное заведеніе Штейна и, когда Писаревъ поправлялся, попечитель навѣстилъ его, въ пріютившей его семьѣ вице-адмирала Трескина. Такимъ образомъ я, еще юношей, получилъ представленіе о необыкновенномъ Петербургскомъ Попечителѣ. Хотя я и проходилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ и видалъ Ивана Давыдовича на актахъ и въ толпѣ, но не былъ ему представленъ, до поступленія моего на службу во ввѣренный ему Округъ. Отъ подчиненныхъ его я уже тогда зналъ многіе факты о доступности Попечителя, о его готовности защитить, устроить каждаго, подать руку помощи. Эту доступность и даже гостепріимство я испыталъ самъ на первыхъ порахъ знакомства. Но я посѣщалъ его изрѣдка.

Какъ то разъ, помню, И. Д. бесѣдовалъ со мною въ своемъ, хорошо извѣстномъ всѣмъ его сослуживцамъ, въ теченіи 30 лѣтъ, не уютномъ, а тѣсно заваленномъ дѣлами кабинетѣ—и въ комнату вошелъ чернокудрый прелестный одиннадцатилѣтній мальчикъ, его сынъ. Поцѣловавъ отца, онъ сказалъ, что идетъ гу-

лять съ своимъ наставникомъ. Черезъ нѣсколько недѣль я прочелъ въ газетахъ о кончинѣ единственнаго сына Деляновыхъ. Пораженный этой вѣстью, съ щемлящимъ сердцемъ прихожу справиться о здоровьѣ, расписаться. Но каково же было мое удивленіе, когда меня просятъ войти къ Попечителю: онъ де одинъ, и его видѣть можно. И онъ былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ и принялъ меня, какъ всегда, и рассказалъ о болѣзни и кончинѣ сына, умершаго отъ ревматизма въ сердцѣ. Это безграничное горе и это спокойствіе произвело на меня совершенно новое неиспытанное впечатлѣніе. Послѣ этого я не могъ не пойти на погребеніе и не проводить покойника, и простоялъ отпѣваніе въ той самой церкви, гдѣ черезъ 34 года мы погребли отца.

Въ самый день погребенія отрока Христофора, къ вечеру я получилъ слѣдующее письмо (первое въ моей теперь большой коллекціи собственноручныхъ его писемъ) отъ Ивана Давыдовича:

«Отъ всей души благодарю за участіе, оказанное намъ въ нашемъ бѣдствіи. Мнѣ однакъ прискорбно было видѣть, что Вы, присутствуя на столь раздирающей душу церемоніи, омрачили такъ сказать радостное время жизни, которое проводите теперь» *).

Этимъ печальнымъ эпизодомъ я оканчиваю рѣчь о своихъ отношеніяхъ къ Ивану Давыдовичу до 1880 года. Пребываніе мое сперва за границей, потомъ на службѣ въ Кіевѣ отдалили меня отъ него. Помню за это время обѣдъ—человѣкъ на 300, который онъ давалъ Петербургскому Округу, когда былъ сдѣланъ товарищемъ Ми-

*) Это было за нѣсколько дней до моей свадьбы.

нистра. Помню застольную рѣчь. Одинъ молодой педагогъ говорилъ о томъ, какъ, при посѣщеніи Иваномъ Давыдовичемъ отдаленнаго города, его отношеніе къ учителямъ ихъ согрѣло и ободрило. При пріѣздахъ моихъ въ Петербургъ встрѣчалъ я Ивана Давыдовича въ Императорской Публичной Библіотекѣ, которую онъ нерѣдко посѣщалъ, какъ директоръ ея, и имѣлъ съ нимъ изрѣдка свиданіе на дому. Въ 1875 году я видѣлъ его въ Кіевѣ, куда онъ пріѣзжалъ, по порученію графа Толстого, съ особой комиссіей для разработки вопросовъ о новомъ университетскомъ уставѣ. Каждый изъ профессоровъ и доцентовъ по одиночкѣ излагалъ предъ нимъ свои мнѣнія на предложенные комиссіей вопросы. Въ 1878 году я перешелъ на службу въ Петербургъ и встрѣтился съ Иваномъ Давыдовичемъ какъ съ временно завѣдывавшимъ IV отдѣленіемъ (Вѣдомствомъ Императрицы Маріи), гдѣ я находился тогда на службѣ; имъ же я былъ дважды командированъ въ Москву на экзамены въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1880 году мнѣ приходилось выслушивать горькія сѣтованія Ивана Давыдовича и опасенія *).

Въ 1881 году я потерялъ жену и сталъ одинокимъ. Тогда участіе Ивана Давыдовича приблизило меня къ нему. Лѣтомъ того же года въ Москвѣ, во время пребыванія тамъ Государя Императора, про-

*) Вотъ выдержки изъ моей записной книжки о Деляновѣ: 28 Декабря 1879 г. Деляновъ первый разъ председательствовалъ въ Археологическомъ Обществѣ. 1880 г. Деляновъ предлагаетъ говорить обо мнѣ съ гр. Толстымъ по поводу устройства моего въ Ученомъ Комитетѣ. Марта 8-го. Деляновъ былъ очень добръ. 25-го. Съ Деляновымъ—о расколѣ; его рассказъ о томъ, какъ онъ въ Государственномъ Совѣтѣ говорилъ противъ узаконенія невѣнчаннаго брака раскольниковъ. Хвалилъ Побѣдоносцева. 1 Октября. Деляновъ печаловался о рѣчахъ и о газетной прыти. 23. Видѣлся съ Деляновымъ—тужить о злыхъ нынѣшнихъ временахъ.

ѣздомъ въ Нижній, въ Кремлевскомъ дворцѣ, въ комнатахъ графа Игнатьева, тогда Министра внутреннихъ дѣлъ, я встрѣтилъ М. Н. Каткова и услышалъ отъ него такія слова: «Министромъ Народнаго Просвѣщенія надо быть Деянову». Зимой слѣдующаго года при свиданіяхъ моихъ съ графомъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгановымъ, незадолго до его кончины, я опять услышалъ: «Деянову надо быть Министромъ вашимъ». Весною 1882 года это сбылось. Графъ Сергѣй Григорьевичъ уже умеръ, а Катковъ восторженно привѣтствовалъ въ своей газетѣ новое назначеніе. 16 Марта 1882 года я былъ у И. Д. Онъ уже былъ Министромъ, но ни слова объ этомъ, а говорили долго... Просто, естественно взялся И. Д. за управленіе близкаго ему Министерства.

2 Апрѣля Министръ подписалъ утвержденіе мое чиновникомъ особыхъ порученій при Министрѣ, а 9-го я получилъ изъ рукъ его первую работу—вынутое изъ подъ сукна дѣло о высшихъ женскихъ курсахъ. Доброе отношеніе Деяновыхъ мужа и жены въ этотъ годъ приблизило меня къ нимъ, къ ихъ частной жизни. Насталъ 1883-й годъ. Я былъ взятъ Министромъ въ Москву на коронацію. Въ Москвѣ И. Д. по своему обычаю принималъ всѣхъ просителей ежедневно, выѣзжалъ насколько могъ не много. Анна Христофоровна принимала много. Они занимали второй этажъ въ д. Варгина противъ Генераль-Губернатора. Мы иногда съ И. Д. ходили пѣшкомъ. Такъ помню въ Высокопетровскомъ монастырѣ мы посѣтили архіепископа Кишиневскаго Сергія (впослѣдствіи Митрополита Московскаго). Въ то время И. Д. очень былъ озабоченъ университетскимъ уставомъ и часто проводилъ вечера у Каткова. По возвращеніи въ Петербургъ, по истеченіи коронаціонныхъ дней, И. Д.

уединился въ своей квартирѣ на Невскомъ проспектѣ на всё лѣто, а Анна Христофоровна, по обычаю, уѣхала за границу.

Ив. Д. не ощущалъ потребности въ деревенскомъ отдыхѣ. Свою поѣздку въ деревню брата онъ сокращалъ иногда съ трехъ недѣль на двѣ. По отъѣздѣ Анны Христофоровны въ большой гостиной убирались всѣ изящныя вещи, мебель покрывалась чехлами и по всѣмъ столамъ и даже на рояли раскладывались полученные за годъ книги. Хозяинъ прочитывалъ многія, пересматривалъ всѣ и сортировалъ ихъ. Иныя поступали въ его библіотеку, получая № и карточку, другія передавались въ Публичную Библіотеку, въ нѣкоторые университеты, а то такъ отдавались друзьямъ по ихъ спеціальностямъ. У меня сохранилось много записочекъ Ивана Давыдовича съ предложеніемъ принять въ мою библіотеку ту или другую книгу. «Это по вашей спеціальности», писалъ онъ. Или: «это годится для справокъ». Послѣднюю такую книгу для справокъ получилъ я въ Харьковѣ, въ послѣдній годъ его жизни.

Лѣтнимъ отдыхомъ, за исключеніемъ двухъ — рѣдко трехъ—недѣль на поѣздку въ деревню брата Иванъ Давыдовичъ не пользовался. За границей онъ былъ только разъ въ жизни, по случаю смерти племянника своего. Но не предпринималъ тамъ ни прогулокъ, ни поѣздокъ. Лѣто онъ проводилъ въ своей квартирѣ, на Невскомъ проспектѣ. Тамъ онъ отдыхалъ отъ суеты, отъ засѣданій въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, но занимался прилежно министерскими дѣлами и разборомъ новыхъ приращеній библіотеки.—Иногда бывалъ ремонтъ въ домѣ. По доскамъ, среди штукатурки, приходилось пробираться къ Министру въ его кабинетъ—съ закры-

тыми окнами. Помню, что этотъ ремонтъ однажды происходилъ въ очень жаркое лѣто, и я не могъ не дивиться выносливости Ивана Давыдовича.—Лѣтомъ онъ не держалъ лошадей, не заводилъ коляски для загороднаго катанья, гулялъ подъ вечеръ пѣшкомъ по улицамъ. Когда мнѣ приходилось проводить лѣто въ Петербургѣ и когда уже я, такъ сказать, сжился съ нимъ, мы ѣзжали съ нимъ нѣсколько разъ въ лѣто (на извозикѣ и парходикѣ) на острова, гдѣ посѣщали ученыхъ сослуживцевъ раза два въ лѣто бывали и подалѣе—въ Царскомъ Селѣ, Павловскѣ и Гатчинѣ.—22-го іюля Иванъ Давыдовичъ имѣлъ обыкновеніе ѣздить на торжественное богослуженіе въ соборъ Всѣхъ учебныхъ заведеній, оставался въ Смольномъ на офиціальномъ обѣдѣ и потомъ присутствовалъ при танцахъ воспитанницъ. Въ первыхъ числахъ іюля обыкновенно ѣздилъ онъ въ Петергофъ, когда Государыня Императрица принимаетъ воспитанницъ институтовъ и разъ или два въ лѣто посѣщалъ малолѣтнее отдѣленіе Николаевского Сиротскаго Института на Куракинской дачѣ. Если же въ окрестностяхъ Петербурга кто либо изъ сослуживцевъ былъ боленъ, то Иванъ Давыдовичъ уже непременно посѣщалъ страждущаго. Лѣтомъ 1894 года болѣзнь удерживала меня въ комнатахъ три недѣли—и почти каждый день въ вечерніе часы жаловалъ онъ ко мнѣ и приносилъ съ собою особые фрукты, или конфекты, какія совѣтовалъ мнѣ употреблять врачъ. По моемъ выздоровленіи мы тогда же ѣздили съ нимъ навѣщать поправлявшагося послѣ операціи Н. А. Лавровскаго.—Вниманіе его къ больнымъ, особенно же къ одинокимъ, было истинно христіанское. Въ сохранившихся у меня письмахъ И. Д. обыкновенно сообщаетъ свѣдѣніе о состояніи здоровья

того или другаго страждущаго изъ общихъ знакомыхъ. Помня заповѣдь о посѣщеніи больнаго, И. Д. считалъ долгомъ проводить и умершаго. Много разъ ѣздили мы вмѣстѣ на погребеніе. У меня сохранилось нѣсколько записочекъ: «Заѣзжайте завтра, вмѣстѣ поѣдемъ на погребеніе». Онъ выстаивалъ иногда очень долгое богослуженіе (напримѣръ отпѣваніе профессора Духовной Академіи Кояловича), во время котораго никогда не приклонялся и не переступалъ съ ноги на ногу. Въ послѣдній мѣсяцъ жизни онъ писалъ мнѣ съ большимъ сожалѣніемъ о кончинѣ И. П. Архипова—и также ѣздилъ на его отпѣванье.

Супруга Ивана Давыдовича, по состоянію здоровья, проживала добрую часть года за границей. Она уѣзжала туда въ маѣ, рѣдко въ іюнѣ, а возвращалась въ концѣ ноября, въ декабрѣ и рѣдко въ октябрѣ. Съ возвращеніемъ ея мѣнялась обстановка гостиной: книги исчезали въ помѣщенныхъ въ корридорѣ шкафахъ; цвѣты, изящныя вещи наполняли углы и простѣнки подъ знаменемъ колоссальныхъ лазаревскихъ бронзъ. Еще лучше была вторая гостиная *bouton d'or*: тамъ въ 5 часовъ ежедневно открывался пріемъ.

Вкусы Ивана Давыдовича и Анны Христофоровны были различны. Онъ любилъ простоту, она роскошь и изящество. Она любила свѣтъ со всѣмъ его блескомъ и суетой, онъ былъ нѣсколько враждебенъ къ свѣту и интересовался лишь нѣкоторыми его дѣятелями, подшучивая надъ другими; ежедневной молвѣ онъ почти не внималъ и подчеркивалъ то, что удивительно, что не оправдывается логикой обыкновеннаго теченія жизни. У Анны Христофоровны бывали рауты, столь любимые дипломатическимъ міромъ и столичнымъ большимъ свѣтомъ.

Иванъ Давыдовичъ терпѣливо встрѣчалъ гостей, многихъ изъ нихъ не зная въ лицо. И не всѣхъ дамъ онъ узнавалъ и часто спрашивалъ потихоньку у близкихъ своихъ ихъ фамиліи. Иногда, если оставались только дамы и молодежь, хозяинъ исчезалъ въ свою спальню. Онъ приучилъ себя ложиться въ двѣнадцатомъ часу, а вставалъ ранѣе восьми. Обѣды у Деляновыхъ бывали часты, но для малаго числа лицъ, никогда не болѣе двѣнадцати. Сами они очень рѣдко ѣздили обѣдать въ гости. На обязательные рауты и Иванъ Давыдовичъ ѣздилъ на нѣсколько минутъ, чтобы показаться; на придворные балы давно не ѣздилъ. На выходахъ и обѣдахъ высоко-торжественныхъ онъ присутствовалъ не опустительно. Его удовольствіемъ было провести вечерокъ въ бесѣдѣ съ людьми, съ которыми онъ имѣлъ общее. Когда я сблизился съ нимъ настолько, что ему былъ извѣстенъ тонъ моего завтрашняго дня,—онъ ставилъ себя непремѣннымъ гостемъ моего маленькаго собранія—собранія лицъ болѣе или менѣе извѣстныхъ ему и по литературнымъ заслугамъ и по дѣятельности.

Въ 1882 году Иванъ Давыдовичъ провелъ у меня первый вечеръ съ архіепископомъ Сергіемъ, съ которымъ тутъ же познакомился. Преосвященный, помню, говорилъ очень мало, но внушилъ Ивану Давыдовичу большую симпатію. И. Д. съ перваго же разу навелъ разговоръ на митрополита Филарета, котораго Преосв. Сергій былъ ученикомъ и послушникомъ. Сначала Преосв. Сергій удивлялся, какъ И. Д. интересовался Московскимъ владыкой, а потомъ знаменитый іерархъ сталъ главнымъ предметомъ воспоминаній и рассказовъ на этихъ бесѣдахъ. Стало за обычай ѣздить вечеромъ на Тверское подворье на бесѣду съ Преосвященнымъ. Когда въ

1890 году Преосвященный Сергій вновь прибылъ (изъ Кишинева) присутствовать въ Св. Синодѣ, наши посѣщенія возобновились, какъ возобновлялись они и позднѣе, когда Преосвященный вызываемъ былъ изъ Одессы. Съ осени 1891 года — бесѣды наши по вечерамъ у Преосвященнаго стали довольно часты, черезъ недѣлю, много черезъ двѣ. Ивану Давыдовичу стоило иногда заботъ выбрать свободный вечерокъ для посѣщенія владыки; съ своей стороны и Преосвященный Сергій хлопоталъ объ томъ, чтобы вечеръ былъ и у него свободный и чтобы не было четвертаго лица. «Въ троємъ мы говоримъ совершенно откровенно» прибавлялъ владыка — «и надо такъ устроить, чтобы никто не препятствовалъ нашей бесѣдѣ». У меня сохранилось множество записочекъ И. Д. и Преосв. Сергія по поводу уговора, когда и какъ съѣхаться у владыки или у меня.

Когда скончался митрополитъ Исидоръ, мы съ графомъ говорили о Сергій. Это было 28 Октября 1892 года, а на слѣдующій день графъ утромъ прислалъ мнѣ подлинное письмо къ нему Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода. «Спѣшу увѣдомить Васъ, что Экзархъ Грузіи Палладій назначенъ Митрополитомъ Петербургскимъ и Ладожскимъ, Экзархомъ назначенъ Владиміръ Самарскій».

Лѣтомъ 1894 года (4 Августа) графъ писалъ мнѣ за границу: Вотъ не стало и Митрополита Леонтія, вѣроятно скоро услышимъ о Преосв. Сергій».

Въ 1895 году и въ началѣ 1896 г. мы съ графомъ Иваномъ Давыдовичемъ, по прежнему, довольно часто ѣздили къ владыкѣ Сергію, но уже на Троицкое под-

ворье, какъ къ Митрополиту. Въ коронаціонные дни мы съ графомъ два раза были у Митрополита—съ визитомъ и вечеромъ. Преосвященный поразилъ насъ тогда своимъ слабымъ голосомъ и утомленіемъ. На слѣдующій годъ, когда я уже жилъ въ Харьковѣ, графъ однажды былъ вечеромъ у Преосвященнаго, о чемъ и писалъ мнѣ.

Въ 1897 году, по пріѣздѣ Митрополита на очередь въ Петербургъ, онъ не успѣлъ видѣться съ графомъ. Когда я прибылъ къ смертному одру графа, онъ просилъ меня узнать о здоровьѣ, тогда уже больного Митрополита. Послѣ похоронъ графа преосв. Сергію одно время было лучше и онъ пригласилъ меня вечеромъ на чашку чаю. Предметомъ нашего разговора преимущественно былъ покойный Министръ. Владыка говорилъ, что если бы не нездоровье, онъ непременно поѣхалъ бы поклониться гробу. Но прошло еще 40 дней по смерти графа, какъ и Московскаго владыки не стало.

Отъ эпизода о Преосвященномъ Сергіи, котораго коснулись мы по поводу частной жизни графа, перейдемъ къ воспоминаніямъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ 1884 году въ Маѣ состоялось назначеніе инспектора С.-Петербургскаго округа Н. М. Аничкова директоромъ Департамента Народнаго Просвѣщенія.—13 Іюля за обѣдомъ И. Д. рассказывалъ, что Государь еще хочетъ разяснить себѣ нѣкоторые пункты новаго Университетскаго устава, желаетъ еще поспорить и съ нимъ, и съ графомъ Д. А. Толстымъ. 23 августа Министръ былъ на докладѣ; 24 университетскій уставъ утвержденъ.—

Въ 1885 году съ февраля рауты у Анны Христофоровны возобновились. По отъѣздѣ ея за границу, лѣтній сезонъ Ивана Давыдовича въ Петербургѣ продолжался особенно долго. Въ сентябрѣ начались у него обѣды—

для своихъ министерскихъ обыкновенныхъ гостей. 29 сентября былъ у него вечеръ—шесть человѣкъ; между ними преосв. Савва архіепископъ Тверской и В. А. Дашковъ изъ Москвы. 4 октября—обѣдали пріѣзжіе профессора и новый директоръ Департамента Аничковъ. 14 у И. Д. обѣдали мы съ Т. И. Филипповымъ, Ильминскимъ изъ Казани и протоіереемъ Лебедевымъ. 31 вечеромъ того же мѣсяца министръ былъ у меня съ преосв. Саввою, съ преосв. Арсеніемъ, ректоромъ Дух. Академіи и нѣкоторыми другими лицами.

Съ начала 1886 года рауты у Анны Христофоровны стали еженедѣльными. Весною того же года я заболѣлъ сильной горловой болѣзью. Это была первая болѣзнь въ моемъ одиночествѣ послѣ потери жены. И тогда-то испыталъ я материнскія заботы обо мнѣ Анны Христофоровны, и почти ежедневно посѣщалъ меня Иванъ Давыдовичъ. И безъ того близкое знакомство съ ними съ тѣхъ поръ стало сердечнымъ, какъ бы родственнымъ союзомъ.

По возвращеніи моемъ изъ заграницы осенью того же года я сталъ у Деляновыхъ ежедневнымъ гостемъ. До возвращенія Анны Христофоровны И. Д. нѣсколько разъ бывалъ и у меня, за моей скромной трапезой, съ двумя-тремя приглашенными.

Въ декабрѣ я поѣхалъ въ командировку въ разныя губерніи и весною (1887) засталъ послѣдній блестящій раутъ Деляновыхъ. Лѣто ознаменовалось для Ивана Давыдовича смертью Михаила Никифоровича Каткова. Онъ ѣздилъ изъ Калужской деревни въ Москву на погребеніе. Новый 1888 годъ встрѣчали у Деляновыхъ, что было не за обычай. Собраніе было немногочисленное, но изысканное. Это первый разъ послѣ моего вдовства, какъ я рѣшился

встрѣчать новый годъ съ другими. Помню какъ И. Д. усадилъ меня ужинать и угощалъ меня. Къ этому времени относятся многія изъ сохранившихся у меня записочекъ И. Д. Большая часть ихъ касается добра, которое онъ дѣлалъ, хлопоча о работѣ для бѣдныхъ, пересылая деньги на вопіющую нужду. Иногда вторгалось замѣчаніе о только что прочитанной имъ книги. Большая же часть записочекъ касалась общихъ выѣздовъ и приглашеній на обѣдъ. Часто присылалъ онъ свой билетъ на концертъ: «не угодно-ли послушать хорошей музыки», «концертъ, говорятъ, очень хорошій», «совѣтую посмотрѣть на веселящихся людей»—и въ такомъ родѣ.

Въ началѣ 1888 года И. Д. ѣздилъ со мною въ Александро-Невскую лавру на похороны инспектора студентовъ Московскаго Университета Брызгалова.

Не задолго до предсмертной болѣзни Брызгаловъ много пострадалъ отъ университетскихъ смуть—отголоска 80-хъ годовъ. Смуты потрясли въ тотъ годъ порядокъ во всѣхъ университетахъ, и Министръ выступилъ на борьбу съ беспорядками съ неослабной энергіей и одушевленіемъ. Онъ ежедневно велъ дѣло въ Петербургскомъ Университетѣ съ ректоромъ Владиславлевымъ; онъ единодушно съ генераль-губернаторомъ Дрентельномъ велъ Кіевское усмиреніе. Всѣхъ допускалъ къ себѣ по прежнему, не обращалъ никакого вниманія на анонимныя угрозы и громко и часто твердилъ о жалкой фантазіи, о слабости тѣхъ, кто думаетъ противиться власти и сильной державѣ Государя. Твердыя мѣры имѣли послѣдствіемъ очищеніе университетовъ отъ вреднаго меньшинства.

Но вотъ 23 августа 1888 года Министръ отправился на ревизію, сперва въ Харьковскій округъ, потомъ

въ Кіевъ, а на обратномъ пути былъ и въ Москвѣ. Когда министръ подъѣжалъ къ Москвѣ съ юга, къ нему въ вагонъ вошелъ одинъ изъ старѣйшихъ жандармскихъ офицеровъ и уговаривалъ не ѣздить въ Университетъ, гдѣ готовится недоброе. Иванъ Давыдовичъ рѣшительно не внялъ этому предостереженію, былъ въ Университетѣ и на лекціяхъ и въ учебныхъ кабинетахъ и лабораторіяхъ.

Во время этой поѣздки я получилъ отъ него слѣдующее письмо:

Сумы, 26 Сентября 1888 г.

Искреннѣйше благодарю Васъ, многоуважаемый Иванъ Петровичъ, за письмо Ваше. О несчастіи, постигшемъ Владиславлева, я зналъ *). Вѣра, что нарушенные союзы возстанутся въ лучшемъ видѣ въ загробномъ мірѣ, должна поддерживать насъ въ настоящемъ. Она и Васъ поддерживаетъ. Очень сожалью объ **. Казалось, что супружество сына благополучное. Вышло иначе. Сердце человѣческое—ровъ глубокій—одинъ Богъ видитъ, что кроется на днѣ его: храмъ ли Божій или жилище сатаны.

Жаль, что распубликованы обличенія Пресвященнаго Никанора. Думаю, что они напечатаны имъ были въ циркулярѣ. Читая эти обличенія въ газетахъ, я предвидѣлъ грустныя ихъ послѣдствія. Что скажутъ раскольники, да и самъ православный людъ? Самъ апостолъ предостерегаетъ насъ отъ ревно-

*) Кончина жены.

сти не по разуму. Путешествіе мое было доселѣ благополучное и повпечатлѣніямъ пріятное. Укрѣпляюсь въ убѣжденіи, что силы ада не одолѣютъ державу Государя, если только въ Петербургѣ не будутъ ее колебать. До чего насъ было не довели ухищренія однихъ и игра больного воображенія другихъ.

Искренно преданный *И. Деяновъ.*

Другое письмо отъ 15 октября изъ Нѣжина дѣлового характера я получилъ въ самый день событія крушенія въ Боркахъ.

Въ тотъ годъ Анна Христофоровна пріѣхала изъ-за границы довольно рано,—а 23 октября мы встрѣтили Ивана Давыдовича оживленнаго и спокойнаго; на первыхъ порахъ онъ рассказывалъ о присутствіи своемъ на лекціяхъ. 3 ноября за обѣдомъ онъ передавалъ свою бесѣду съ Государемъ и свои слова: «крѣпка Ваша держава». Эти слова были на сердцѣ И. Д. какъ «сознательное чувство, какъ противоядіе тому, что онъ называлъ «фантазіей».

23 ноября Иванъ Давыдовичъ потихоньку уѣхалъ въ Сергіеву Лавру подъ Москвой, чтобы избѣжать чествованія 50-лѣтія своей службы. Въ домовоѣ церкви министерства былъ отслуженъ молебенъ за новаго графа. Графиня принимала у себя въ опредѣленный часъ, и мы съ ней обѣдали въ тѣсномъ кругу. Къ своему титулу графъ отнесся съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Первое время онъ просилъ не называть его титуломъ. Вопросъ о гербѣ, о гербовой печати онъ рѣшительно отклонилъ отъ себя. Девизъ онъ пожелалъ выбрать изъ тѣхъ девизовъ, которые имѣли графы, пожалованные

этимъ титуломъ при Императорѣ Николаѣ. Былъ выбранъ: *immobilis in mobili*. Темой герба остался гербъ дворянъ Деляновыхъ и Лазаревыхъ.

Весною 1888 года скончался двоюродный братъ и своякъ Ивана Давыдовича кн. Семень Давыдовичъ Абамелекъ. Въ февралѣ 1889 года скончалась и сестра его Анна Давыдовна Баратынская.

Вотъ выдержка изъ письма И. Д. ко мнѣ о болѣзни Анны Давыдовны.

Анна Давыдовна слаба, но теперь менѣе страдаетъ, а бываютъ дни, когда и вовсе не страдаетъ. Боткинъ посѣтилъ ее вчера и нашелъ, что болѣзнь тяжелая, но состояніе не безнадежное въ смыслѣ продленія жизни, но конечно безнадежное въ смыслѣ выздоровленія совершеннаго. Умъ ея по прежнему свѣтлый, память огромная, безстрашіе передъ смертью изумительное. Она говоритъ о своей смерти совершенно хладнокровно и даже призываетъ её сама, благодарить Бога, что ея не боится.

28 Апрѣля того же года хоронили графа Димитрія Андреевича Толстого. «Онъ по крайней мѣрѣ не фантазируетъ», часто говаривалъ о немъ графъ И. Д.

Обычное лѣто измѣнилось только тѣмъ, что графу приходилось обѣдать на верху у вдовы княгини Абамелекъ, которая долго оставалась лѣтомъ въ столицѣ и гдѣ мы сходились съ графомъ. Мы съ графомъ ѣздили вмѣстѣ на бракосочетаніе Великаго Князя Павла Александровича.

Слѣдующій зимній сезонъ были обычные обѣды у графа и графини *en petit comité* и большіе—возобнови-

лись частыя наши свиданія съ Преосв. Сергіемъ, прибывшимъ изъ Кишинева. Въ апрѣлѣ (1890) графъ сердечно оплакалъ смерть достойнаго ректора Спб. Университета Владиславлева. Въ маѣ графъ имѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ дебату по поводу прибавки 5 часовъ латинскаго языка, которые урѣзывались въ новомъ учебномъ планѣ для гимназій. Графъ потомъ уступилъ, но бывшее у него на дому засѣданіе министерскихъ не согласно было съ уступкой. Одинъ изъ членовъ совѣта Министра былъ въ особенности рѣзокъ. Графъ окончилъ преніе тѣмъ, что заявилъ, что уже сказалъ Государю, что уступка будетъ сдѣлана.

Настало лѣто, и жизнь графа въ Петербургѣ опять украшалась пребываніемъ княгини Абамелекъ. Я тогда жилъ въ Царскомъ, графъ два раза посѣтилъ меня; видались мы и въ Петербургѣ. По отъѣздѣ графа въ Калугу умеръ попечитель С.-Петербур. округа И. П. Новиковъ. Графъ писалъ мнѣ о своихъ комбинаціяхъ—и освѣдомлялся часто о здоровьѣ графини Блудовой, жившей тогда въ Царскомъ. Очень скоро вернулся онъ изъ Калужской деревни, и присутствовалъ въ Царскомъ Селѣ на похоронахъ графа М. Х. Рейтерна. Въ сентябрѣ были частые обѣды у графа,—семейные и для должностныхъ лицъ, и обѣды съ нимъ же у княгини Абамелекъ. 19 ноября графъ былъ у меня съ Преосвященнымъ Сергіемъ, Штутгартскимъ протоіереемъ Базаровымъ и другими. Въ началѣ декабря онъ былъ нездоровъ, но уже съ 12 окончательно поправился. Въ Январѣ 1891 года мы ежедневно видѣлись, провели три вечера съ Преосвященнымъ Сергіемъ, назначеннымъ тогда Херсонскимъ и Одесскимъ.—25-го декабря я простился съ Деляновыми, отправляясь въ командировку на нѣсколько мѣ-

сяцевъ. Прощаніе было трогательное, самое дружеское. Отъ 8 марта графъ мнѣ писалъ въ Ялту:

«Сообщаемое Вами довольно утѣшительно. Обо всемъ Вами видѣнномъ посудимъ, когда возвратитесь. Здѣсь безъ Васъ ничего особеннаго не случилось. Все идетъ своимъ чередомъ. У Преосвященнаго Сергія я былъ одинъ разъ. На будущей недѣлѣ увижусь съ нимъ. Объ Васъ онъ освѣдомился. Скончался П. Г. Рѣдкинъ, и съ нимъ я потерялъ послѣдняго изъ своихъ профессоровъ. Ректоромъ С.-Петербургскаго университета я очень доволенъ. Онъ въ полномъ смыслѣ слова честный человѣкъ и не гонится за популярностью. 8 февраля былъ актъ, носился слухъ, что его ошарашиваютъ, не тутъ-то было: онъ былъ встрѣченъ громомъ рукоплесканій.—Здѣсь довольно больныхъ. Инфлуенца продолжаетъ дѣйствовать. Мы здоровы; но у насъ больна Губиша (собачка) воспаленіемъ легкихъ. Вообще зима тяжелая. На дняхъ умеръ генералъ Мирковичъ, помощникъ Обручева. Всѣ, знавшіе его, объ немъ скорбятъ. Желаю Вамъ добраго здоровья и успѣха въ трудахъ.

Преданнѣйшій гр. *Деляновъ*.

Я возвратился въ Петербургъ въ концѣ мая и успѣлъ еще проводить отъѣзжавшую за границу графиню Анну Христофоровну. Потомъ и графъ уѣхалъ въ Калужскую деревню, и черезъ 20 дней возвратился въ Петербургъ. Въ концѣ августа мы стали собираться въ путь и 1 сентября Министръ выѣхалъ на ревизію Мо-

сковскаго, Виленскаго и Варшавскаго округовъ. Поѣздка эта началась печальнымъ случаемъ. Мы поѣхали по Николаевской дорогѣ. Въ Любани была первая остановка. Вагонъ Министра былъ послѣднимъ и стоялъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ платформа смѣняется лѣстницею. Мѣсто это не было освѣщено. Быстро выпивъ чашку чаю на станціи, графъ направился къ вагонамъ и помня, что его вагонъ послѣдній, онъ своимъ обычнымъ скорымъ шагомъ во время не перешелъ съ платформы на путь, не разглядѣлъ лѣстницы и полетѣлъ внизъ головою черезъ десятокъ каменныхъ ступеней. Я былъ въ нѣкоторомъ отдаленіи за нимъ, и не успѣлъ поддержать его. Онъ сильно разбилъ лицо, переносицу и лобъ. Онъ самъ поднялся, и въ вагонѣ предсталъ предъ нами окровавленнымъ. Нашей просьбѣ возвратиться въ Петербургъ онъ ни за что не хотѣлъ внять. Онъ благодушно прикладывалъ примочки (у меня случилась арника и вата), успокаивалъ насъ и говорилъ, что раны сильной не послѣдовало.

Къ утру мы были въ Твери; образовались у него кровоподтеки, опухоль выше носа и на лбу. Графъ, не обращая на это никакого вниманія, не отдохнувъ съ дороги, съ ранняго утра, началъ посѣщеніе учебныхъ заведеній. Слѣды ушиба прошли лишь черезъ мѣсяцъ, и въ продолженіи всего объѣзда графъ носилъ на лицѣ рѣзкій отпечатокъ своего паденія. Неутомимость тогда 73 лѣтняго старца была изумительна. Онъ раньше всѣхъ готовъ и раньше открытія классовъ въ заведеніи. Всѣ учебные часы заняты посѣщеніемъ классовъ, среди дня—благотворительныя заведенія, выставки; всё это ждетъ Министра, и онъ всюду поспѣваетъ, взбѣгаетъ на лѣстницы, говоритъ живо—всѣмъ интересуется. Успѣваетъ

сдѣлать визиты, принять множество просителей, переодѣться для офиціального обѣда—и тотчасъ опять ѣхать на музыкальное и хоровое собраніе воспитанниковъ и воспитанницъ. Среди этихъ трудовъ, если приходился праздникъ, графъ отстаиваетъ всенощную, литургію, молебенъ, съ акаѳистомъ.

Первымъ городомъ на нашемъ пути была Тверь, потомъ мы были въ Москвѣ, гдѣ обозрѣли вновь построенныя клиники и гдѣ графъ сказалъ свою прекрасную рѣчь студентамъ. Оттуда нашъ путь былъ на Вязьму.

Въ Вязьмѣ, послѣ дневныхъ трудовъ, я сталъ просить графа помочь мнѣ въ воспроизведеніи для печати его вчерашней рѣчи студентамъ въ Московскихъ клиникахъ. Графъ согласился и, взявъ бумагу и карандашъ, принялся писать. Не успѣвалъ я переписать страницу, какъ онъ мнѣ подавалъ новый листъ. Работа окончилась въ 3-мъ часу ночи. Подлинныя листы остались у меня—и я теперь, въ приложеніи къ брошюрѣ, печатаю рѣчь прямо съ автографа.

Въ Вязьмѣ, осмотрѣны были всѣ учебныя заведенія, казенныя и частныя, посѣщенъ Предтеченскій монастырь и отслушано всенощное бдѣніе въ церкви мужской гимназіи.—Оттуда отправился графъ съ нами рано утромъ въ село Алферово, гдѣ, въ домовоѣ церкви учительской семинаріи, отстоялъ обѣдню; послѣ обѣдни сказалъ ученикамъ сердечную рѣчь съ наставленіемъ, а потомъ обозрѣлъ зданія семинаріи, квартиры наставниковъ и всю усадьбу—садъ, оранжерею и огородъ.

Съ вечернимъ поѣздомъ того-же дня мы уже ѣхали съ неутомимымъ министромъ въ Смоленскъ.—Въ дорогѣ по ночамъ графъ спалъ всегда хорошо, но только по ночамъ. Днемъ и вечеромъ онъ оставался въ общемъ

салонѣ и время проходило незамѣтно въ оживленныхъ разговорахъ. Спутники поочередно уходили отдыхать въ свои отдѣленія, но графъ продолжалъ оживленную бесѣду съ кѣмъ нибудь изъ насъ, безъ признаковъ малѣйшаго утомленія.

Два полныхъ дня въ Смоленскѣ, два въ Витебскѣ дали бы намъ цѣлую страницу подробностей ревизіи. 13-го сентября вечеромъ, безъ минуты отдыха, послѣ посѣщеній учебныхъ заведеній, прибыли мы въ Полоцкѣ, прямо въ церковь учительской семинаріи. Всенощное богослуженіе наканунѣ Воздвиженія Честнаго Креста было продолжительно. Графъ простоялъ до конца и ни за что не хотѣлъ присѣсть. Мы всѣ чрезмѣрно устали въ этотъ день, и только примѣръ нашего семидесяти трѣхъ лѣтняго спутника подкрѣплялъ насъ.

Миновавъ Минскъ, мы сперва вышли на станціи Молодечно—Либаво-Роменской дороги, откуда прослѣдовали въ учительскую Молодеченскую семинарію. Утромъ 16 Сентября Министръ былъ уже въ Минскѣ и прямо съ дороги отправился въ мужскую гимназію. Въ классахъ графъ обыкновенно почти не спрашивалъ; вопросы предлагали его спутники, каждый по своей спеціальности и въ его присутствіи, и одновременно въ другихъ классахъ, гдѣ онъ не присутствовалъ. Послѣ дома, по вечерамъ, и въ дорогѣ, графъ припоминалъ отвѣты, высказывалъ свое мнѣніе о директорахъ и преподавателяхъ и насъ подробно спрашивалъ. Только изрѣдко онъ предлагалъ вопросы ученикамъ *).

*) Такъ, помню, въ одномъ женскомъ заведеніи онъ продиктовалъ для написанія на доскѣ любимыя имъ и нерѣдко повторяемыя строки Малерба:

«La mort a des rigueurs à nulle autre pareille»....

Особенное живое участіе принималъ онъ въ переводахъ съ латинскаго текста à livre ouvert.

Еврейскія училища мужскія и женскія удостоивались и посѣщенія и одобренія Министра.

По приглашенію Преосвященныхъ графъ посѣщалъ духовныя семинаріи и женскія епархіальныя училища, гдѣ выслушивалъ преимущественно хоровое пѣніе.

Послѣ уроковъ присутствовалъ на фронтовомъ упражненіи учениковъ и часто пользовался сборомъ, чтобы преподать совѣты и наставленія дѣтямъ.

На станціи Минскъ Министръ простился съ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскимъ, сопровождавшимъ его отъ Витебска и 18-го сентября, по пути слѣдованія въ Сѣдлецъ, былъ встрѣченъ попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа А. Л. Апухтинымъ. Въ Сѣдлецѣ тѣ-же непрерывныя труды, тѣ-же торжественныя встрѣчи.

Съ утра 20-го числа началось посѣщеніе многочисленныхъ учебныхъ заведеній города Варшавы. Варшавѣ было посвящено восемь дней. Казенныя заведенія, начиная съ университета, частныя выдающіяся заведенія, ремесленныя мастерскія и археологическое собраніе профессора Самоквасова—все это было осмотрѣно графомъ. При томъ тамъ было нѣсколько, наиболѣе его утомлявшихъ, офиціальныхъ въ честь его обѣдовъ. Когда приходилось обѣдать дома—графъ приглашалъ до десяти-пятнадцати мѣстныхъ начальниковъ учебныхъ заведеній. Въ Варшавскихъ учебныхъ заведеніяхъ особенно порадовали его хорошіе успѣхи въ русскомъ языкѣ и правильная разговорная русская рѣчь.

1-го Октября началось посѣщеніе заведеній города

Лодзи: гимназій мужской, выстроенной великолѣпно на средства фабриканта Шейблера и его наслѣдниковъ, и женской, высшаго ремесленного и другихъ низшихъ учебныхъ заведеній. На другой день графъ посѣтилъ семейство Шейблера и два училища при его фабрикахъ, принималъ депутаціи жертвователей и къ вечеру отбылъ въ Петроковъ.

Октября 3-е было посвящено городу Петрокову, а 4-ое городу Ченстохову, гдѣ графъ обозрѣлъ величественный монастырь и памятникъ въ Бозѣ почивающему Императору Александру Второму—послѣ посѣщенія гимназіи и благотворительнаго пріюта. Слѣдующій городъ былъ Кельцы. Возьмемъ изъ современной хроники путешествія на выдержку описаніе дня въ Кельцахъ: «Министръ имѣлъ ночлегъ въ квартирѣ губернатора, въ бывшемъ замкѣ епископовъ Краковскихъ. 7-го числа, въ восьмомъ часу утра графъ осмотрѣлъ верхній этажъ замка. Здѣсь сохранилась плафонная живопись XVIII столѣтія и рядъ портретовъ Краковскихъ епископовъ. Много любопытнаго представляетъ Кѣлецкій замокъ и съ архитектурной стороны, начиная съ его мраморныхъ дверей и порталовъ. Министръ посѣтилъ и ту залу, гдѣ находилось когда-то хранилище братьевъ Залусскихъ, легшее въ основаніе Императорской Публичной Библіотеки, директоромъ которой состоялъ до назначенія министромъ графъ Иванъ Давыдовичъ.—Съ 9 часовъ министръ обозрѣвалъ мужскую гимназію, передъ тѣмъ православный соборъ... Въ начальныхъ училищахъ дѣти читали и отвѣчали на хорошемъ русскомъ языкѣ и пѣли народныя русскія пѣсни. Успѣхъ дѣтей въ русскомъ языкѣ, на которомъ они не говорятъ дома, указываетъ не только на усердіе преподавателей, но и на

стремленіе родителей къ обученію дѣтей въ русской школѣ. Послѣ посѣщенія школъ Министръ вновь прибылъ въ мужскую гимназію, гдѣ смотрѣлъ военное ученіе и присутствовалъ на музыкально-литературномъ собраніи учениковъ. Тутъ ученикъ VIII класса прочелъ гладко и живо написанное имъ о Лермонтовѣ. Осмысленное и одушевленное чтеніе юнаго поляка, искренно увлеченнаго красотами произведеній русскаго поэта, произвело самое пріятное впечатлѣніе».

Слѣдующій день былъ посвященъ Радому, а на ночь мы прибыли въ Новую Александрію.

Утромъ, на слѣдующій день, Министръ принималъ лицъ, служащихъ въ Институтѣ сельскаго хозяйства и осматривалъ великолѣпное зданіе этого заведенія — цѣлый рядъ кабинетовъ, аудиторій и лабораторій во второмъ и нижнемъ этажахъ и на верхнемъ этажѣ православную церковь. Затѣмъ, присутствовалъ на лекціи по зоотехніи.

Когда Министръ обходилъ зданіе, въ саду на крыльцѣ собрались студенты. Графъ подошелъ къ нимъ и сталъ говорить:

«Очень сожалѣю *), что нашелъ въ Институтѣ не полный комплектъ слушателей: ихъ было прежде до 280, а теперь 60 съ небольшимъ. Куда же дѣвались остальные? Они были исключены и уволены, а многіе, изъ желанія показать свою солидарность съ уволенными, какъ это видно изъ поданныхъ ими просьбъ, сами оставили институтъ. Какія же причины этого печаль-

*) Печатается съ подлинной записи гр. И. Д., набросанной имъ вечеромъ того-же дня.

наго явленія? Онѣ заключаются въ томъ, что исключенные, уволенные и просившіе въ 1890 году объ увольненіи, вмѣсто того, чтобы слѣдовать наставленіямъ начальства и преподавателей, желавшихъ имъ добра, послѣдовали совѣтамъ, преподаннымъ имъ извнѣ и сообщеніямъ, которыя присылались изъ Петровской земледѣльской академіи и другихъ учебныхъ заведеній. А теперь тѣ же самые люди, которые въ безуміи своемъ и слышать не хотѣли совѣтовъ правды и добра, обращаются и ко мнѣ, и къ попечителю учебнаго округа и къ директору заведенія съ самыми покорными и даже унижительными просьбами, въ которыхъ просятъ о принятіи, оправдываются тѣмъ, что принимали въ безпорядкахъ лишь пассивное, а не такъ называемое активное участіе—забывая, что одно неисполненіе приказанія разойтись, когда имѣющій власть того требуетъ, есть дерзость и, какъ таковая, не можетъ быть терпима. Конечно всѣ мы, слѣдуя влеченію сердца, желали бы всё покрыть забвеніемъ; но отвѣтственность на насъ, а боязнь впустить на ввѣренную намъ учащуюся паству людей, могущихъ внести въ нее нравственную заразу, слѣдовательно и умножить число несчастныхъ, умѣряетъ наше милосердіе». Далѣе графъ Ив. Д. продолжалъ: «Что сказали-бы вы, друзья мои, если бы я, стоя съ вами въ саду, захотѣлъ-бы руку положить на крышу этого огромнаго зданія? Вы имѣ-

ли бы полное право считать меня лишившимся разсудка и подлежащимъ леченью; также точно считайте сумасшедшими тѣхъ, которые воображаютъ себѣ, что собравшись въ числѣ 300, 600, 6000 и даже 60,000 человекъ, и горланя во всю глотку, могутъ испугать правительство, дѣйствующее именемъ Государя Императора и заставить его идти по пути, не верховною властью указанному, а толпою молодыхъ людей, сидящихъ на школьной скамьѣ; такъ какъ и высшія учебныя заведенія ничто иное, какъ школа. Говорю всё это вамъ по искреннему желанію отвратить васъ отъ безумныхъ путей, предостеречь васъ отъ несчастій, а родителей вашихъ, большею частію неимущихъ, отъ огорченія видѣть дѣтей своихъ не пристроенными и часто бѣдствующими».

Графъ кончилъ и, присоединившись къ намъ, молча пошелъ по главной аллеѣ. Трогательнъ былъ видъ милаго старца, всегда благодушнаго, а на этотъ разъ какъ бы грознаго. Но спокойствіе, столь ему обычное, скоро сгладило съ лица тяжелую думу, и онъ отдался похваламъ чудной растительности и открывшемуся виду на рѣку. День былъ какъ бы лѣтній и воздухъ ароматный...

За Новой Александріей на нашемъ пути былъ городъ Люблинъ, гдѣ министръ осмотрѣлъ учебныя заведенія, какъ и вездѣ. Городъ Холмъ былъ послѣднимъ пунктомъ Привислянскаго края. Сверхъ трудовъ по обзорѣнію—намъ пришлось присутствовать при архіерей-

скомъ служеніи преосв. Флавіана—и въ духовной семинаріи на концертѣ. На другой день мы были уже вновь въ Виленскомъ округѣ. Послѣ остановки въ Брестѣ Литовскомъ, Бѣлостокѣ и Гроднѣ, мы прибыли въ Вильну на сравнительно долгое пребываніе и на обзоръ многочисленныхъ учебныхъ заведеній. Послѣдней остановкой былъ Двинскъ (Динабургъ).

Въ этомъ путешествіи министра сопровождали члены его совѣта Любимовъ и я, окружной инспекторъ С.-Петербургскаго учебнаго округа Муромцевъ и Московскаго — Исаенковъ. Въ Петербургъ Министръ возвратился 25 октября утромъ. На лицѣ его были еще очень замѣтны слѣды ушиба отъ паденія съ Любаньской платформы.

Въ Петербургѣ потекла жизнь по прежнему, свиданія наши и общія трапезы были почти ежедневныя. Насталъ 1892-й годъ. Графъ выѣзжалъ довольно много, и въ этотъ годъ онъ послѣдній разъ въ жизни ѣздилъ на парадъ 6 января. Въ февралѣ обѣдали мы часто въ троемъ, потомъ начались обѣды съ гостями и рауты у графини.

На Святой недѣлѣ мы съ графомъ были на годовомъ поминовеніи графини Блудовой, на погребеніи греческаго архимандрита Неофита; въ концѣ апрѣля графъ принималъ живое участіе въ смертной болѣзни градоначальника Грессера, потомъ присутствовалъ ежедневно на панихидахъ по немъ. Графиня уѣхала за границу особенно рано (12 мая). Отъ 25 мая до 14 іюня мы два раза были съ графомъ у преосвященнаго Сергія и два раза владыка обѣдалъ съ нами, разъ у меня и разъ у Ивана Давыдовича.—25 іюня графъ поѣхалъ въ Калужскую деревню, откуда возвратился ровно че-

резъ мѣсяцъ. Начался періодъ отдыха и разбора книгъ, небольшихъ обѣдовъ, для своихъ министерскихъ внизу, и семейныхъ на верху у княгини Абамелекъ. Помню, что 21 августа графъ передалъ, что говорилъ съ Государемъ о своей предстоящей поѣздкѣ въ Остзейскій край. 19-го октября я сопровождалъ графа въ Академію Наукъ, гдѣ было чтеніе о князѣ Вяземскомъ и о Плетневѣ. 30 октября мы провели вечеръ у прибывшаго изъ Одессы нашего архіепископа. Около того же времени скончалась Королева Ольга Николаевна, и я занялся составленіемъ статьи, посвященной Ея кончинѣ и личнымъ о ней воспоминаніямъ. Мнѣ хотѣлось имѣть подъ рукою штутгартскую прессу о дняхъ погребенія и самыя надгробныя рѣчи. Слѣдующая, сохранившаяся у меня записочка ко мнѣ, свидѣтельствуешь о томъ, какъ графъ Иванъ Давыдовичъ оказывалъ участіе во всѣхъ случаяхъ жизни:

«Я выпросилъ у Екатерины Ильиничны Татищевой журналы, гдѣ говорится о королевѣ Ольгѣ Николаевнѣ. Тутъ и надгробныя рѣчи. Можетъ быть это пригодится для Вашей статьи».

Въ декабрѣ 1892 года графу было два утѣшенія. По желанію его сердца состоялось назначеніе великаго князя Константина Константиновича Президентомъ Академіи Наукъ. Любимая племянница графа княжна Абамелекъ была помолвлена за графа Олсуфьева. Въ самый день новаго (1893) года мы пили за обѣдомъ у Деяновыхъ здоровье жениха и невѣсты. 27-го января состоялась свадьба. Вѣнчаніе было въ церкви Бѣлосельскихъ (нынѣ В. К. Сергія Александровича), проводы молодыхъ въ верхнемъ этажѣ дома армянской церкви.

Въ апрѣлѣ того же года графъ былъ очень озабоченъ дебатами въ Государственномъ Совѣтѣ; онъ тогда потребовалъ совѣщанія о школьныхъ дѣлахъ. Было вѣяніе, грозившее потрясти университетскій строй. Въ то же время и вопросы по низшимъ школамъ какъ то обострились.—Одинъ офиціальныи документъ, однако же напечатанныи, прямо высказывался о ненадежности свѣтскихъ школъ въ смыслѣ преданности церкви. Графъ былъ человѣкъ благочестивый, искренно сочувствовавшій на дѣлѣ возникновенію церковно-приходскихъ школъ — и вдругъ ему пришлось слышать открытые и несправедливые нападки на школы его паствы. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ графа И. Д. была тогда написана, помѣщенная въ «Новомъ Времени», статья: Печальное недоразумѣніе *).

Въ началѣ іюня графъ ѣздилъ, въ сопровожденіи директора департамента Н. М. Аничкова въ Новую Александрію, гдѣ возобновленъ и переустроенъ былъ

*) Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этой статьи:

«Передать школу въ епархіальное вѣдомство—значитъ отдать ее подъ кровъ церкви! Какъ будто у насъ на Руси, въ свѣтскихъ школахъ существуетъ гоненіе на святыню, какъ будто въ нашихъ государственныхъ школахъ—какъ это было недавно во Франціи — нѣтъ преподаванія Закона Божія, какъ будто школы эти не стоятъ подъ наблюденіемъ церкви. Церковь, общая всѣмъ мать, не подраздѣляетъ школы на вѣдомства. Ей близки и дороги всѣ школы и слова раздѣленія она не изрекаетъ. Стали появляться статьи, въ которыхъ общія и дорогія для государства начала передаются въ достояніе только церковно-приходской школы. И слышимъ мы странное слово разъединенія, въ родѣ такого выраженія, что епархіальное начальство — лучший и вѣрный блюститель юныхъ чадъ нашей церкви—не въ школѣ вообще, а въ церковно-приходской школѣ исключительно. Такими словами оскорбляются всѣ православные, воспитывающіе дѣтей подъ кровомъ церкви въ школѣ государственной. Духовенство въ смыслѣ пастыреначальства и законоучительства конечно есть лучший блюститель юныхъ чадъ церкви, но не только въ школахъ епархіальнаго вѣдомства, а во всѣхъ православныхъ школахъ. Кто въ правѣ такъ суживать, такъ ограничивать призваніе пастырей церкви?...

Институтъ сельскаго хозяйства, подъ директорствомъ проф. Докучаева.

Въ началѣ іюля я писалъ графу И. Д. изъ деревни и между прочимъ разсказалъ о моемъ пребываніи въ имѣніи графа С. Д. Шереметева, праздновавшаго въ тотъ годъ свою серебряную свадьбу. Въ отвѣтъ на это графъ И. Д. мнѣ писалъ въ Тамбовъ:

Я получилъ интересное письмо Ваше отъ 12 іюля. Графъ С. Д. Шереметевъ есть дѣйствительно типичный представитель родовитаго дворянства, носящій свое имя съ достоинствомъ.—На дняхъ уѣзжаетъ въ Томскъ Анрепъ съ Камчатовымъ для разбирательства тамошнихъ пререканій. Е. Д. Нарышкину то лучше, то хуже. Онъ интересуется всѣмъ, что дѣлается, и читаетъ газеты. Въ воскресенье ожидаютъ Гіона изъ Парижа. Дай Богъ, чтобъ онъ помогъ. Уѣду отсюда, если Богъ позволитъ, въ пятницу 23 іюля.

PS. Мое почтеніе Преосвященному и Губернатору. Вы мнѣ вѣроятно при свиданіи сообщите интересное о нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ новое письмо графа съ тревожными извѣстіями о болѣзни Е. Д. Нарышкина и наконецъ черезъ двѣ недѣли слѣдующее, помѣщаемое мною цѣликомъ—отъ 13 августа: Благодарю за письмо отъ 9 августа. Брошюру изъ Тамбова еще не получилъ. Е. Д. Нарышкину то лучше, то хуже. Преосв. Сергій не поѣхалъ на погребеніе митр.

Леонтія, потому что въ Москвѣ случился преосв. Теофноста, которому и было поручено совершить обрядъ. Назначенъ же будетъ преосв. Сергій. Въ Петербургѣ пусто. Многіе разѣхались. Погода дождливая. Удивляюсь, какъ люди живутъ на островахъ. Кн. Волконскій уѣзжаетъ завтра за границу. Грустно, что Вамъ приходится ѣхать въ Кіевъ на скорбное зрѣлище.... Очень радъ, что графъ Н. имѣетъ хорошую репутацію; но все-таки онъ не свой, а чужой.

Сентябрь мы провели вмѣстѣ, бывали часто мужскіе обѣды у графа. 19 октября, какъ всегда, мы вмѣстѣ ѣздили на засѣданіе въ Академію Наукъ, 22-го на юбилей Царскосельскаго женскаго духовнаго училища, 6-го ноября вмѣстѣ ѣздили на погребеніе члена совѣта Чистовича, а 13-го выѣхали на ревизію въ Прибалтійскій Край. На этотъ разъ министра сопровождали директоръ Департамента Н. М. Аничковъ и я. Путешествіе длилось около мѣсяца—до 10 Декабря. Девять дней было посвящено Ригѣ и шесть Юрьеву, пять дней Ревелю, а остальное время Вендену и Либавѣ. Реформа, произведенная въ мірѣ школы въ Прибалтійскомъ Краѣ, осуществилась и вошла въ жизнь въ годы управленія министерствомъ Народнаго Просвѣщенія графа Делянова. И вотъ, Министръ предпринялъ объѣздъ съ цѣлью лицомъ къ лицу встрѣтиться съ новыми началами, видѣть успѣхи и недостатки, ободрить новыхъ дѣятелей и выслушать недовольство и петиціи оппонентовъ.

Изъ Риги, Ревеля и Юрьева графъ на лошадяхъ отправлялся въ сельскія школы, преимущественно инород-

ческія Латышскія около Риги, Эстонскія около Юрьева и Ревеля.

Какъ въ этихъ школахъ, такъ и въ городскихъ мы видѣли возможность ознакомленія съ русскимъ языкомъ дѣтей, чьи родители не знаютъ ни слова по русски, но всѣми силами и средствами стремятся сдѣлать изъ своего потомства русскихъ гражданъ. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, становившихся тогда на новый путь, успѣхъ былъ не великъ. Въ университетѣ графъ посѣтилъ всѣ учебныя учрежденія и присутствовалъ на лекціяхъ разныхъ факультетовъ. Достаточно времени было отдано въ Юрьевѣ ветеринарному институту и учительской семинаріи. Въ Венденѣ графа ожидалъ въ своемъ живописномъ замкѣ его другъ съ юныхъ лѣтъ, оберъ-гофмейстеръ графъ Ем. Карл. Сиверсъ. Тамъ была, послѣ посѣщенія училищъ, роскошная и притомъ дружеская трапеза.

10 декабря мы возвратились изъ поѣздки, графиня уже была въ Петербургѣ, но не совсѣмъ здоровая. Въ Новый годъ (1894) графъ получилъ рескриптъ и брилліантовые знаки на Андреевскій орденъ. 10 января мною было отмѣчено въ дневникѣ: Графъ грустенъ. Ему предстоятъ въ Государственномъ Совѣтѣ дебаты о коммерческихъ училищахъ и онъ предвидитъ, что результатъ будетъ не въ пользу его вѣдомства». 13-го были эти дебаты; графъ былъ самъ-третій противъ всѣхъ. — Въ началѣ февраля графъ заболѣлъ довольно серьезно инфлюэнціей. Во время этой болѣзни къ нему прибылъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, помолился съ нимъ и очень его утѣшилъ. До 17-го числа графъ не обѣдалъ за общимъ столомъ, а къ концу мѣсяца уже сталъ выѣзжать. 9 апрѣля я сопровождалъ графа на экзаменъ филосо-

фіи—на высшихъ женскихъ курсахъ. Наши ежедневныя свиданія прекратились въ концѣ пасхи, за моимъ отъѣздомъ въ Москву, откуда я вернулся скоро — и для операціи корбункула долженъ былъ помѣститься въ больницу Георгіевской общины. Супруги Деляновы прибыли ко мнѣ на квартиру тотчасъ по моемъ пріѣздѣ — и съ ихъ напутствіемъ и благословеніемъ я поѣхалъ на крайне опасную операцію. Въ три недѣли перевязокъ и графъ и графиня посѣщали меня, и ихъ посланный съ утра являлся предупреждать мои малѣйшія желанія. Въ то время скончалась скоропостижно графиня Е. Н. Гейденъ, попечительница Георгіевской общины. Наканунѣ кончины она посѣтила меня. Узнавъ о ея смерти, графъ Ив. Д., боясь, что эта вѣсть, пришедшая нечаянно, повредитъ моему здоровью, самъ пріѣхалъ нарочно сообщить ее мнѣ. Вообще его вниманіе и доброта въ эту для меня памятную эпоху, когда я былъ почти добычей смерти, могла бы только вызвать слезы благодарности. Потомъ въ іюнѣ и іюлѣ до отъѣзда моего за границу я только и имѣлъ одного утѣшителя и посѣтителя моего врачебнаго заключенія: то былъ графъ Иванъ Давыдовичъ. Когда я поправился, мы вмѣстѣ стали ѣздить къ Н. А. Лавровскому, поправлявшемуся на Васильевскомъ острову отъ операціи, не менѣе серьезной, чѣмъ была моя.—За границей въ августѣ и сентябрѣ я получилъ отъ Ивана Давыдовича нѣсколько писемъ, по большей части съ подробностями семейнаго характера. По возвращеніи изъ заграницы я засталъ Ивана Давыдовича больнымъ рожистымъ воспаленіемъ кожи на головѣ. Объ этой болѣзни будетъ сказано ниже. Ко времени привезенія тѣла въ Бозѣ почившаго Государя графъ еще не совсѣмъ поправился и не могъ

ѣхать на вокзалъ, и въ крѣпость, но 7 ноября мы ѣздили съ нимъ вмѣстѣ на погребеніе. Опасаясь простуды, графъ прошелъ черезъ алтарь съ подѣзда духовенства. 8-го ноября, въ двадцатый день, мы ѣздили опять вмѣстѣ на панихиду и также черезъ алтарь проходили въ соборъ. 14-го графъ ѣздилъ на бракосочетаніе Государя Императора. 4 декабря графъ рассказывалъ за семейнымъ столомъ о своемъ первомъ докладѣ новому Государю—и въ тотъ же день вечеръ мы провели съ нимъ у новаго митрополита Московскаго на Троицкомъ подворьѣ. Въ началѣ 1895 года, графа тревожили московскія университетскія исторіи.

Въ январѣ здоровье графини стало ей измѣнять. 24-го она ѣздила однако представляться молодой Императрицѣ. Въ февралѣ (12-го) графиня Анна Христофоровна скончалась. Она слабѣла давно, но не измѣняла образа жизни и не прерывала пріемовъ. За два дня до кончины у нея должно было состояться собраніе гостей вечеромъ—и пришлось разослать отказъ приглашеннымъ. Во время обѣда графиня не могла одолѣть дремоты, но все таки обѣдала за общимъ столомъ на три, четыре персоны. 9-го числа мы обѣдали съ графомъ вдвоемъ: графиня принимала легкое лекарство и чувствовала дурноту и не вышла къ столу. 10-го появились опасенія, участились докторскія посѣщенія, а 12-го она легко, какъ бы во снѣ, скончалась. Во время панихидъ и похоронъ графъ былъ спокоенъ въ своемъ горѣ. Воспоминанія о добротѣ Анны Христофоровны, исполненной заботливой любви и горячаго участія, къ ближнимъ были тогда предметомъ нашихъ бесѣдъ и служили утѣшеніемъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ погребенія я заболѣлъ простудою не надолго, и графъ два раза посѣтилъ ме-

ня. 10-го марта онъ заѣзжалъ за мной, чтобы вмѣстѣ ѣхать на юбилей гимназіи Человѣколюбиваго Общества, а 23-го мы вмѣстѣ ѣздили на Смоленское кладбище на могилу графини.

Въ апрѣлѣ общія трапезы съ графомъ бывали на верху у княгини Абамелекъ: у него никто въ этотъ мѣсяцъ на бывалъ за обѣдомъ. 29-го апрѣля графа, выѣхавшаго изъ воротъ дома Армянской церкви, били лошади; одну надо было выпречь. Самообладаніе ему помогло: онъ не вышелъ изъ кареты. На другой день, рассказывая объ этомъ мнѣ и Н. А. Любимову, И. Д. приводилъ слова покойнаго намѣстника Сергіевой лавры архимандрита Леонида: «мы окружены такимъ рядомъ несчастій и бѣдъ, что каждый день, прожитый благополучно, есть чудо Божіе». Послѣ чего Любимовъ отправился къ себѣ домой и у подъѣзда своего узнаетъ, что его сынъ, молодой, цвѣтущій юноша, переломилъ ногу. Этотъ случай невольно вносится мною въ рядъ воспоминаній о графѣ.

Въ маѣ я выѣхалъ въ Висбаденъ, гдѣ также ежедневно получалъ письма отъ графа. Привожу одно изъ нихъ (въ Висбаденъ) отъ 31 мая 1895 г.

Усерднѣйше благодарю за письмо Ваше отъ 28 мая. Очень скорблю, что Вы не совсѣмъ довольны вашимъ врачомъ. Если ванны дѣйствуютъ слишкомъ сильно, то отъ чего же не посовѣтываться Вамъ съ другимъ врачомъ; умъ хорошо, а два лучше. Жители Висбаденскіе и особенно прот. Протопоповъ вѣроятно могли бы указать Вамъ на хорошаго и добросовѣстнаго доктора. У насъ все идетъ своимъ чередомъ, слава Богу; нѣтъ ни-

чего новаго. Всѣ сожальють Елисѣева. Сегодня я былъ въ Никол. Москов. Госпиталѣ у Н. Н. Страхова. У него ракъ на языкѣ; сдѣлали вырѣзъ. Всѣ это паліативъ. Грустно видѣть въ такомъ положеніи добрейшаго человека.—Государь въ Петергофѣ. Приѣхалъ армянскій Патріархъ. Онъ человекъ умный, добрый и бывалый. Жаль, что не иначе могу говорить съ нимъ, какъ черезъ переводчика. Графъ Капнистъ уходитъ въ Сенатъ; В. К. Сергѣй Александровичъ стоитъ за назначеніе Боголѣпова. Выборъ хорошій: Боголѣповъ человекъ твердый и прямодушный.—Погода у насъ теплая. Дѣло о Комитетѣ грамотности приостановлено. Буду ожидать извѣстій отъ Васъ.

14 Августа, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ узналъ я, что графъ переѣзжаетъ на Васильевскій островъ. Дѣло въ томъ, что квартира его, послѣ смерти графини, наслѣдницы Лазарева, собственника и жертвователя дома, не могла отдаваться графу по прежней, стоявшей въ условіи цѣнѣ. Новая цѣна показалась графу слишкомъ высокою, и онъ цѣлый мѣсяцъ искалъ себѣ квартиру. Домъ № 4 по первой линіи совершенно удовлетворялъ его вкусу: комнаты высокія и цѣна не особенно высокая. 19-го Августа (1895 г.) мы съ графомъ присутствовали на молебнѣ и окропленіи новой квартиры святой водой, а 21-го графъ первый разъ ночевалъ тамъ. До послѣдняго дня онъ не отпускалъ на новую квартиру своего письменнаго стола и, послѣ ночи, проведенной на новой квартирѣ, признался, что ему

тяжело было разстаться со старымъ жильемъ. 28-го былъ первый обѣдъ въ его новой квартирѣ: обѣдали княгиня Абамелекъ, старый другъ его графъ Е. К. Сиверсъ и я.

Переѣздъ министра на Васильевскій островъ былъ не понятенъ для многихъ; толковали вкривъ и вкосъ и не милосердно выдумывали. Развелось цѣлое вымышленное сказаніе о томъ, что графъ женился. Выдумка эта появилась даже въ иностранныхъ газетахъ. На перекоръ пословицѣ: «нѣтъ дыму безъ огня» слуху этому не было никакого основанія, и я считаю долгомъ его опровергнуть даже и потому, что и теперь, послѣ кончины графа, многія почтенныя лица обращаются ко мнѣ съ вопросомъ: вы были близки съ графомъ—скажите откровенно, былъ ли онъ женатъ во второй разъ? Какъ благодушно графъ смѣялся надъ этой выдумкой въ кругу родныхъ и часто повторялъ то нѣмецкія, то русскія фамиліи, которыми называли его невѣсть. Мнѣ случайно пришлось напасть на одинъ изъ источниковъ этихъ слуховъ. Нѣкто П. М., посѣщавшій графа, пріѣзжаетъ какъ-то къ нему и спрашиваетъ дома-ли графъ? отвѣчаютъ: нѣтъ дома. Куда поѣхалъ? Къ нашей графинѣ, отвѣчалъ слуга, разумѣя свояченицу графа, о пріѣздѣ которой въ Петербургъ посѣтителъ не зналъ. Пріѣзжаю я въ этотъ день къ себѣ домой. Сотрудникъ мой, занимавшійся въ моихъ комнатахъ, говоритъ мнѣ: у васъ только что былъ П. М. Онъ спрашивалъ о томъ знаете ли вы, что графъ И. Д. женился. Онъ только что съ его квартиры и увѣряетъ, что онъ узналъ достоверно, что графъ женатъ.—Обидно то, что ни въ общеніи, ни въ знакомствѣ съ графомъ не было лица, на которомъ онъ могъ бы жениться по какимъ бы то ни было человѣколюбивымъ соображеніямъ.

Переѣздъ графа на Васильевскій островъ былъ конечно неудобенъ для его близкихъ и даже для сослуживцевъ.

Раза по два въ недѣлю онъ устраивалъ у себя то родственные, то служебные, обѣды, какъ прежде; въ остальные дни ѣздилъ обѣдать къ княгинѣ Абамелекъ. Нѣсколько разъ въ эту зиму (189^{5/6} года) обѣдали мы съ нимъ вмѣстѣ у Нарышкиныхъ (Е. Д. и А. Н.) и раза два у Охотниковыхъ (В. Н. и А. П.) У меня графъ былъ нѣсколько разъ по вечерамъ. Послѣдній разъ въ жизни провелъ онъ у меня вечеръ 19 Апрѣля, когда моимъ гостемъ былъ также въ послѣдній разъ въ жизни незабвенный Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

Ко двору, на балы и выходы въ этотъ годъ графъ совсѣмъ не ѣздилъ. Въ концѣ Апрѣля (1896 г.) И. Д. съ сердечнымъ участіемъ отнесся къ болѣзни Н. Н. Сабурова, слѣдя за нею каждый день. Кончина этого умершаго въ цвѣтѣ лѣтъ дѣятеля вызвала глубокое сожалѣніе въ графѣ Иванѣ Давыдовичѣ.

Въ концѣ апрѣля мы собирались на коронацію. 22-го у графа былъ послѣдній званый обѣдъ, гдѣ присутствовали и Аполлонъ Николаевичъ Майковъ. 28-го графъ былъ на бракосочетаніи И. А. Бычкова, а 29-го мы выѣхали съ нимъ въ Москву.

Въ Москвѣ графу, а съ нимъ и мнѣ, отведена была квартира въ домѣ 4-й гимназіи на Покровкѣ, въ старинномъ домѣ Разумовскихъ. Комнаты графа съ маленькими окнами, со сводами и колонками состояли изъ двухъ пріемныхъ, столовой и просторной спальни, гдѣ устроенъ былъ и письменный столъ. Мое помѣщеніе отдѣлялось корридоромъ.

1-го Мая мы съ графомъ представлялись Великому

Князю и Великой Княгинѣ. Помню, какъ Графъ послѣ своего представленія, не хотѣлъ уѣхать одинъ и довольно долго сидѣлъ въ пріемной, ожидая пока отпустятъ меня. Въ тотъ же день мы посѣтили митрополита Сергія, который рассказывалъ о патріаршихъ делегатахъ и выражалъ сожалѣніе о томъ, что митрополитъ Макарій, при передѣлкахъ митрополичьяго дома, не сохранилъ прежней любимой комнаты митрополита Филарета.

Въ коронаціонное время, въ Москвѣ, графъ выѣзжалъ мало; обѣдалъ у себя, за рѣдкимъ исключеніемъ. Особенно пріятное впечатлѣніе оставила загородная поѣздка въ Кусково, гдѣ (28 Мая) мы провели день въ обществѣ семьи, родныхъ и друзей хозяина, графа Сергія Дмитріевича Шереметева. Изъ остальныхъ посѣщеній упомяну о двухъ вечерахъ, проведенныхъ нами у слѣпца Ѳедора Ивановича Буслаева. Почтенный ученый, нынѣ также покойный, былъ порадованъ и оживленъ посѣщеніемъ графа; онъ былъ неистощимъ въ рассказахъ о быломъ и интересовался злобою дня. Графъ посѣтилъ московскую старожилку В. Е. Чертову, щедрую благотворительницу клиникъ Базанову и изъ сослуживцевъ Н. П. Боголѣпова и А. П. Разцвѣтова, изъ петербургскихъ друзей Е. Д. Нарышкина и его супругу и обѣдалъ у нихъ.

Кончина барона Ѳ. А. Бюлера вызвала присутствіе графа на панихидахъ и отпѣваніи. Въ печальный день 18-го мая мы вечеромъ ѣздили съ графомъ въ Симоновъ монастырь, гдѣ, послѣ всенощнаго бдѣнія, посѣтили жившаго тамъ преосв. Флавіана, архіепископа Варшавскаго, за три года передъ тѣмъ принимавшаго насъ въ Холмѣ.

Въ Троицынъ день графъ слушалъ обѣдню въ уни-

верситетской церкви, въ остальные воскресные дни ходилъ пѣшкомъ въ церковь Воскресенія въ Барашахъ, близъ нашей квартиры.

5 мая графъ посѣтилъ гинекологическій вновь устроенный институтъ Шелапутина—на Дѣвичьемъ полѣ и тамъ же—акушерскую клинику Морозова, клинику ушныхъ и горловыхъ болѣзней Базановой и новую церковь. Дома графъ принималъ участіе въ разборѣ студенческихъ безпорядковъ и въ организаціи общества грамотности. Почти наканунѣ коронаціи онъ былъ озабоченъ особымъ представленіемъ къ наградѣ историка Д. И. Иловайскаго и редактора Русскаго Архива П. И. Бартенева. Въ Кремль графъ ѣздилъ рѣдко. Одинъ разъ былъ съ докладомъ у Государя. 8 мая онъ присутствовалъ въ засѣданіи Комитета Министровъ—20-го въ засѣданіи Государственного Совѣта. 13-го и 17-го графъ участвовалъ на перенесеніи регалій во дворецъ и на церемоніи перенесенія ихъ обратно въ Оружейную Палату. На графа возложено было несеніе скиптра. Онъ со вниманіемъ изучалъ инструкцію церемоніальныхъ дѣлъ и чинъ священнаго коронованія и затверживалъ тѣ моменты, когда ему придется подавать скиптръ, или принимать его изъ рукъ Государя Императора. И этотъ служебный долгъ онъ исполнилъ, не показывая и вида усталости. Къ церемоніямъ перенесенія регалій являлся однимъ изъ первыхъ. На куртагѣ, на всѣхъ придворныхъ балахъ, на парадномъ спектаклѣ и на раутахъ у пословъ, у министра Иностранныхъ Дѣлъ, на Дворянскомъ балѣ и на народномъ праздникѣ графъ не присутствовалъ. Онъ не принималъ участія и въ церемоніи торжественнаго въѣзда. Коронованіе, представленіе Ихъ Величествамъ 15-го Мая, обѣдъ посламъ и пріемъ цар-

ственной Четы въ городской Думѣ — вотъ чѣмъ ограничились явленія графа ко Двору въ коронаціонные дни.

По возвращеніи въ Петербургъ жизнь пошла обычнымъ теченіемъ: небольшіе обѣды съ петербургскими и пріѣзжими сослуживцами, семейные съѣзды въ домъ армянской церкви..... 26-го іюня графъ ѣздилъ въ Петергофъ съ докладомъ къ Государю. По поводу этого не могу не рассказать о случаѣ удивительной сдержанности графа. На докладѣ этомъ графъ дѣлалъ представленіе о назначеніи меня попечителемъ учебнаго округа. На другой день мы обѣдали вмѣстѣ, безъ постороннихъ; бесѣдовали о многомъ, Графъ рассказывалъ о министерскихъ дѣлахъ, о назначеніяхъ и ни слова о томъ, что меня особенно интересовало. Я уже подумалъ, что Высочайшаго соизволенія не послѣдовало. Но при разставаньѣ, на подъѣздѣ, Графъ объявилъ мнѣ о милостивомъ рѣшеніи и даже пересказалъ мнѣ это дословно. «Отчего же за обѣдомъ вы не сказали мнѣ?» «А потому, что пока не подписанъ указъ нельзя считать дѣло совершившимся и говорить при другихъ не слѣдуетъ» — былъ отвѣтъ. А между тѣмъ и самого графа это дѣло интересовало настолько, что онъ отложилъ для него свою поѣздку въ Нижній. Отъ 7-го іюля онъ писалъ мнѣ: «Отъ министра финансовъ отвѣта еще нѣтъ (отвѣта о пенсіи моему предмѣстнику) и это для меня весьма важное обстоятельство. Извѣстное дѣло должно кончиться при мнѣ».

13-го іюля Графъ выѣхалъ въ Калужскую деревню,

а поѣздка въ Нижній была отложена имъ на августъ. 25 іюля я получилъ депешу поздравительную по случаю вышедшаго указа о моемъ назначеніи за подписью: трое Деляновыхъ. (т. е. графъ, его братъ и не-вѣстка).

Въ двухъ письмахъ изъ Калужской деревни графъ главнымъ образомъ заботился о назначеніи предсѣдателя С.-Петербургскаго Общества грамотности. На одномъ была приписка о занимавшемъ насъ ходынскомъ дѣлѣ: «Дѣло это рѣшено правильно и... далѣе въ письмѣ отъ 4 августа:

«Пріятно слышать объ вниманіи къ Вамъ владыки Сергія. Это хорошее напутствіе. Отъ души улыбнулся, прочитавъ ваши строки о Все мятется человѣкъ—и могутъ ли такіа бездѣлюшки (дѣло шло о полученіи однимъ лицомъ иностраннаго ордена) приводить въ чадъ и лишать спокойствія.—Въ Петербургѣ я буду, если Богъ позволитъ, 17 августа. Отъ 12 до 15 буду въ Нижнемъ, и 15-го же авг. выѣду въ Москву.—Много Вамъ хлопотъ передъ отъѣздомъ. Здѣшній (т. е. Калужскій) владыка Макарій человѣкъ по сердцу Божію. Я зналъ его священникомъ и законоучителемъ въ Орловскомъ институтѣ...

17-го августа я встрѣтилъ графа въ Петербургѣ и ежедневно обѣдалъ съ нимъ или у него до—25-го, когда простился, отъѣзжая на новое мѣсто жительства.

Отъ 19-го сентября графъ писалъ мнѣ въ Харьковъ:

«Очень пріятно было узнать, что en somme первыя ваши встрѣчи произвели на Васъ

пріятное впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ какъ Вы уѣхали, у насъ не произошло ничего особеннаго. Аничковъ возвратился на дняхъ. Онъ побывалъ въ Одессѣ, Ялтѣ и Кіевѣ. А мнѣ все приходилось провожать умершихъ: Неклюдова, умершаго въ цвѣтѣ лѣтъ, княгиню Урусову (гречанку) жену Аполлона, П. М. Хрущова. Умираетъ отъ рака лечившій меня докторъ Левинсонъ. Лазаревичу лучше, но еще въ постели—вотъ уже 5-ая недѣля. Напишемъ Вамъ офіціально о обществѣ грамотности, которое существуетъ въ Харьковѣ. Затѣмъ Графъ сообщаетъ о нѣкоторыхъ печальныхъ открытіяхъ въ средѣ педагогической.

Вскорѣ я былъ вызванъ въ Петербургъ по дѣламъ службы и 12 ноября засталъ графа больнымъ. «Какъ Вы меня оставили и какъ находите!» сказалъ онъ при свиданіи. Передъ тѣмъ былъ кризисъ. Онъ понемногу поправлялся, но сильно измѣнился, къ тому же отпустилъ бороду. Каждый вечеръ проводилъ я съ нимъ вдвоемъ. Онъ поправлялся день ото дня, но мысль о близкой смерти его не покидала, и онъ много говорилъ о своемъ желанномъ преемникѣ.

Отъ 30 декабря графъ уже писалъ мнѣ въ Харьковъ: «Я слава Богу поправляюсь. Выѣзжаю и выхожу». Письма его съ начала 1897 года были дѣлового характера. Въ одномъ изъ нихъ (отъ 6 янв.) онъ приписалъ: Схоронили мы нашего добраго К. Н. Бестужева-Рюмина и директора 7-ой гимназіи Гофмана. Какъ жаль Бруева (профессоръ Харьк. Университета). Судя по слухамъ мало надежды на выздоровленіе.

Къ святой недѣлѣ я былъ снова вызванъ въ Петербургъ. Свиданія съ графомъ были, какъ всегда, почти ежедневныя. 24-го апрѣля Министръ присутствовалъ на нашемъ юбилеѣ 25-лѣтія Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній, на молебнѣ и актѣ. Еще разъ свидѣлся я съ нимъ въ началѣ іюля, при проѣздѣ за границу—и нашелъ его дѣятельнымъ, подвижнымъ и здоровымъ. Отъ 26 іюля онъ писалъ мнѣ въ Висбаденъ изъ Калужской деревни—нѣсколько жаловался на необходимость ѣхать въ Москву на съѣздъ врачей, гдѣ онъ произнесъ на латинскомъ языкѣ прекрасную, хотя и краткую, привѣтственную рѣчь.

Отъ 31-го августа изъ Петербурга писалъ о кончинѣ любимаго брата своего Николая Давыдовича, сообщалъ объ отъѣздѣ сослуживцевъ.

Отъ 11-го октября увѣдомлялъ меня, что цѣлый мѣсяцъ сидитъ дома вслѣдствіе бронхита.

Въ Ноябрьѣ я имѣлъ только одно письмо отъ графа, а 11-го декабря онъ мнѣ написалъ свое послѣднее письмо, которое я получилъ въ день, когда онъ заболѣлъ недугомъ, сведшимъ его въ могилу. Въ этомъ письмѣ писалъ онъ между прочимъ:

Мы всѣ скорбимъ о И. П. Архиповѣ; онъ обладалъ всѣми качествами, нужными въ его званіи *). Бѣдный Воронцовъ-Дашковъ потерялъ второго сына! Письмо это кончалось приглашеніемъ пріѣхать къ Рождеству въ Петербургъ. Послушный этому призыву, я уже собирался въ путь,

*) Иванъ Павловичъ Архиповъ членъ совѣта министра Земледѣлія, бывшій долго дѣятелемъ и по министерству Просвѣщенія. Выѣздъ графа на его похороны былъ послѣднимъ выѣздомъ его.

какъ пришла телеграмма о томъ, что графъ опасно заболѣлъ.

Перехожу къ печальному повѣствованію о смерти и погребеніи незабвеннаго графа Ивана Давыдовича и наконецъ къ тѣмъ отзывамъ о немъ въ печати, которые украсили его могилу лучше лавровыхъ вѣнковъ.

II.

Отличавшійся всю жизнь необыкновенно хорошим здоровьемъ, не нуждавшійся въ лишнемъ отдыхѣ и поѣздкахъ для востановленія силъ, графъ Иванъ Давыдовичъ послѣ путешествія въ Остзейскій край по ревизіи въ 1893 году заболѣлъ серьезно инфлюэнцой. Болѣзнь эта продолжалась нѣсколько недѣль. Въ Январѣ 1894 года, въ минуты бесѣды со мной, при моемъ представленіи покойному Государю (на концертномъ балѣ 13-го Февраля), Его Величество изволилъ освѣдомиться о состояніи этой болѣзни графа, при этомъ изволилъ прибавить, что онъ тоже испыталъ эту инфлюэнцу. Незадолго до того Государь былъ боленъ, для чего и призывался профессоръ Захарьинъ *).

Послѣ того графъ Иванъ Давыдовичъ былъ здоровъ до лѣта. Въ день бракосочетанія великой княжны Ксеніи Александровны, въ Петергофѣ, при разѣздѣ, графъ не отыскалъ своей кареты и въ дождь на извозикѣ отправился на вокзалъ. Отъ 5 Сентября того же года онъ писалъ мнѣ въ Вѣну: «Я простудился на свадьбѣ В. К. Ксеніи Александровны. Послѣ вашего отъѣзда была лихорадка и горловая болѣзнь, лихорадка прошла дня черезъ два, а боль въ горлѣ и раздраженіе продолжа-

*) 17 Января былъ бюллетень и прибылъ Захарьинъ. 20-го графъ И. Д. объявилъ мнѣ, что Государю лучше, что онъ кушалъ кофе и гренки.

лось дней 10—15, но это не мешало мнѣ выѣзжать. Теперь все прошло».

Осенью 1894 года я возвратился изъ заграницы въ Петербургъ и засталъ графа совсѣмъ больнымъ: у него было рожистое воспаленіе. Всегдашній труженикъ нашъ долженъ былъ уступить необходимости не принимать просителей, надѣтъ халатъ, при чемъ изъ его спальни—кельи кровать была перенесена въ залъ.

Хотя болѣзнь и была опасною, крѣпкій организмъ вынесъ её, и графъ Иванъ Давыдовичъ съ свойственнымъ ему мужествомъ перенесъ постигшій Россію ударъ—кончину Государя. Отъ него перваго и я узналъ роковую вѣсть. Печаль его была безмѣрная. Потомъ графъ поправился, сталъ выѣзжать понемногу, и по прежнему потекла его трудовая жизнь. И такъ прошелъ годъ.—Осенью 1896 года графъ заболѣлъ очень сильно. Появились бюллетени. Отъ 20 Октября его свояченица, княгиня Абамелекъ, телеграфировала мнѣ въ Харьковъ: «Здоровье улучшается. Пульсъ, температура нормальны».

Я тогда же поѣхалъ въ Петербургъ. Случилось такъ, что со дня моего пріѣзда болѣзнь приняла поворотъ къ лучшему. Эта опять таки скоро минувшая болѣзнь была предтечею конца, какъ разъ за годъ до смертнаго недуга. Въ августѣ 1897 года графъ былъ по обычаю недолгое время въ имѣніи своего брата Калужской губерніи.

При немъ скончался братъ его, на два года старѣйшій, но уже давно одряхлѣвшій и слабый, а потомъ заболѣлъ и самъ графъ. Онъ мнѣ писалъ отъ 30 Августа (1897 года): «я возвратился въ С.-Петербургъ, претерпѣвъ простудную болѣзнь въ деревнѣ».

14 Декабря, 1897 года, я получилъ въ Харьковѣ послѣднее письмо его, какъ всегда, на широко написанныхъ четырехъ страничкахъ. Оно кончалось любезнымъ словомъ о моемъ, ожидаемомъ имъ, пріѣздѣ въ Петербургъ. Графъ писалъ еще вполне здоровымъ, но день полученія мною письма былъ днемъ сильнѣйшаго болѣзненнаго припадка. Тогда рядъ бюллетеней поставилъ всю Россію въ извѣстность о сильной болѣзни маститаго Министра. 24 Декабря я уже былъ въ Петербургъ и на мѣстѣ, у постели его, узналъ подробности. Страданія около сердца были чрезвычайно сильны и терпѣливый больной просилъ самъ усилить паліативъ для смягченія боли. Но боли утихли—и въ первый же послѣ этого день графъ, почувствовавъ себя хорошо, самъ пожелалъ пріобщиться Св. Таинъ. Послѣ исповѣди у духовника своего, протоіерея о. Георгія Хонтарджіева, больной читалъ твердо и выразительно молитвы передъ причастіемъ по церковно-славянскому молитвеннику.

«Говорятъ, что мнѣ лучше,»—сказалъ мнѣ графъ при первомъ свиданіи. Его слабый голосъ меня поразилъ, но говорилъ онъ твердо, какъ здоровый. 25 Декабря мнѣ пришлось довольно долго посидѣть у его кровати. Онъ спрашивалъ о Харьковѣ, высказалъ удовольствіе о добрыхъ отношеніяхъ. По уговору же съ княгиней я долженъ былъ рассказывать и не заставлять его говорить. Въ этотъ день и мнѣ пришла утѣшительная мысль, что вотъ, какъ и въ прошломъ году, съ моимъ пріѣздомъ совпадаетъ переходъ къ выздоровленію. Но на другой день я въ этомъ разувѣрился. Графъ на этотъ разъ говорилъ со мною больше, онъ передавалъ даже нѣсколько подробностей о докладѣ у

Государя, потомъ говорилъ о нѣкоторыхъ государственныхъ дѣателяхъ и далъ одинъ совѣтъ мнѣ по частному моему дѣлу. Но, не смотря на это, я видѣлъ и слабость и блѣдность; слабость была такова, что для того, чтобы проглотить лекарства, больного надо было приподнимать съ трудомъ отъ подушки.

Въ этотъ день за обѣдомъ у одной изъ его ближайшихъ родственницъ (свояченицы графини Маріи Христофоровны Ниродъ) я не могъ скрывать предчувствія и опасенія. А между тѣмъ мнѣніе мое не раздѣлялось ни хозяйкой, ни княгиней Абамелекъ; къ тому же бюллетени выставляли явные признаки улучшенія.

28 Декабря по обычаю въ свой часъ (4 часа) я не видалъ больного, потому что онъ спалъ. Не могъ его видѣть и прибывшій изъ Москвы В. А. Грингмутъ, котораго онъ желалъ видѣть. Камердинеръ графа, усердный и преданный, передалъ мнѣ о дурнотѣ, которая была утромъ; онъ признавался, что одну минуту думалъ, что всё кончено. Въ этотъ день, обѣдая у двоюродной сестры графа, княгини Урусовой, я былъ просто самъ не свой. Опасенія мои раздѣляла и хозяйка, но княгиня Абамелекъ присылала утѣшительныя вѣсти. Вечеромъ я хотѣлъ ѣхать къ графу, но побоялся моимъ личнымъ—быть можетъ неправильнымъ—опасеніемъ встревожить княгиню.

На другой день 29-го Декабря, не отлагая поѣздки на Васильевскій островъ до обычнаго времени, я отправился туда утромъ и засталъ графа скончавшимся часъ тому назадъ. Когда онъ проснулся въ семь съ половиною часовъ, онъ былъ хорошъ, какъ говорятъ про больного, и сказалъ Аннѣ Михайловнѣ Толстой *), что

*) Двоюродная племянница графа.

сегодня думаетъ, что выпьетъ молока и можетъ быть и кофе; потомъ ему сдѣлалось дурно, быстро дали лекарство, которое онъ едва проглотилъ — остальное вылилось изо рта; слышалось легкое хрипѣніе, продолжавшееся одно мгновенье — и все было кончено. Спокойный, какъ въ сладкомъ снѣ, лежалъ онъ на кровати, къ которой еще не прикоснулась ни чья рука. Около кровати были только его сестры милосердія: такъ я называю княгиню Абамелекъ и А. М. Толстую. Около стола безмолвно передвигались душеприкащики; ожидали священника для первой молитвы.

Смерть уже была засвидѣтельствована ближайшимъ по мѣсту жительства медикомъ. Сдѣланы были распоряженія о снятіи занавѣсей въ залѣ и о покрытіи стѣнъ и пола черной матеріей. Мы пошли съ княгиней выбрать изъ кіота образъ, которымъ его благословляли къ вѣнцу и поставили надъ изголовьемъ. Потомъ эта икона была перенесена въ передній уголъ зала и передъ ней поставлена лампада. — Тѣмъ временемъ прибылъ протоіерей, и совершена была около постели первая панихида, при которой присутствовали ближайшіе родные. Изъ постороннихъ прибылъ, еще до перенесенія тѣла на уготованное мѣсто, К. П. Побѣдоносцевъ. По общему соглашенію было рѣшено, чтобы вечернія панихиды были православныя, а полуденныя армяно-грегоріанскія. Днемъ чтеніе псалтыри было возложено на клирика-армянина въ стихарѣ, на ночи приглашены монахини изъ общины при подворьѣ Предтечинскаго Леушинскаго монастыря — на Бассейной.

Умилительно и благозвучно читали сестры псалмы и заупокойныя, послѣ каѳизмъ, молитвы; и подолгу мы оставались около тѣла, послѣ вечерней панихиды, какъ

бы охраняя покой дорогого человека. Надо сказать, что мягкое благостное и живое выражение лица его къ вечеру измѣнилось. Зависитъ ли это отъ иного освѣщенія, или отъ другихъ причинъ, но только онъ былъ какъ то строже, серьезнѣе въ своемъ маломъ мундирѣ члена Государственнаго Совѣта. Погребеніе, по случаю новаго года, могло совершиться лишь на пятый день. Эти четыре дня и четыре ночи прошли въ молитвахъ—утромъ и вечеромъ и среди дня. Послѣ полуденныхъ панихидъ начинались опять панихиды отъ разныхъ учреждений и учебныхъ заведеній.

На первой вечерней панихидѣ присутствовалъ Великій Князь президентъ Академіи, въ то же утро почтившій рѣчью память новопредставленнаго Министра въ годовомъ засѣданіи Академіи Наукъ. Смотри на Великаго Князя—когда онъ совершилъ поклоненіе гробу и отдалъ послѣднее цѣлованіе, мнѣ вспоминалось, какъ графъ Иванъ Давыдовичъ передавалъ мнѣ изо дня въ день подробности назначенія Великаго Князя въ президенты Академіи и его всегдашніе искренніе и сочувственные отзывы о Его Высочествѣ. Присутствіе Великаго Князя Михаила Николаевича напоминало дѣятельность графа въ Государственномъ Совѣтѣ, дѣятельность трудную, часто даже скорбную, гдѣ сказывалась однако его непоколебимая твердость съ одной стороны и готовность всегда жертвовать личнымъ самолюбіемъ для пользы государственной—съ другой; гдѣ старецъ поражалъ своимъ нравственнымъ терпѣніемъ тѣхъ, кто иногда съ запальчивостію опровергалъ его...

Панихиды, преимущественно вечернія, посѣщались министрами, членами Государственнаго Совѣта и, само собой разумѣется, составомъ Министерства Народнаго

Просвѣщенія. Первую панихиду совершалъ духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ И. Л. Янышевъ. Митрополитъ Кіевскій Іоанникій пріѣзжалъ воздать послѣднее цѣлованіе передъ армянской панихидой—утромъ.

Послѣдняя въ домѣ панихида и выносъ тѣла совершились въ присутствіи Государя Императора. Надпись на донесеніи о кончинѣ графа вспомнилась при появленіи Его Величества: «Незамѣнимая утрата». Прежде Государя Императора прибыли Великій Князь Владиміръ Александровичъ, Великая Княгиня Марія Павловна, Великіе Князья: Михаилъ Николаевичъ, Константинъ Константиновичъ, Принцы Ольденбургскій и Мекленбургскій.

Графъ былъ положенъ въ простомъ дубовомъ гробѣ безъ всякихъ украшеній. По его, при жизни не разъ высказываемому желанію, запечатлѣнному и въ з вѣщаніи, вѣнковъ не принимали.

При официальнойности положенія покойника эти дорого стоящія приношенія всегда вызывали сожалѣніе графа. Онъ повторялъ, что прежде этого на Руси не бывало и называлъ это своего рода «модой».

Родные, женатые на племянницахъ графа: князь С. Б. Мещерскій и А. Г. Булыгинъ, друзья и ближайшіе сослуживцы вынесли гробъ на улицу и вмѣсто погребальныхъ дрогъ мы передали его на руки другимъ, а тѣ еще другимъ. Подчиненные графа—чиновники и педагоги смѣшались съ молодежью: студентами и гимназистами, и такъ гробъ былъ донесенъ до Смоленскаго армянскаго кладбища и внесенъ въ небольшую церковь Лазаревыхъ.

Въ погребальномъ шествіи не было несенія орде новъ, не было ассистентовъ, не высился балдахинъ, и

впечатлѣніе было чего то умилительнаго, простаго. Это была не процессія, а семейное погребальное шествіе, но семья-то была многочисленная. На пути шествія, по скромнымъ отдаленнымъ улицамъ Васильевского Острова, народу стояло очень много. Далеко не всѣ провожавшіе могли войти въ церковь.

Армянская литургія была совершена съ особымъ благолѣпіемъ. Бѣлыя съ золотомъ ризы; протоіерей въ митрѣ со крестомъ, въ золотомъ обычномъ ожерельѣ; превосходное пѣніе и хоромъ, и поголосно; рипиды, вращающіяся съ гуденіемъ звонцевъ въ самыя торжественныя минуты — все это производитъ впечатлѣніе древняго и величественнаго богослуженія. Передъ самымъ совершеніемъ таинства діаконъ говоритъ: «Цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ», а ликъ отвѣчаетъ особо трогательнымъ напѣвомъ: «Христосъ посредѣ насъ явился и Иже Сый Богъ нашъ здѣ есть присутствуяй. Гласъ мира вѣченъ бысть, власть святаго благовѣстія дадеса... вражда удалися, любовь по всему міру изліяся. Нынѣ служитиліе, возвысивше гласъ свой, единомысленно дадите благословеніе единосущному Божеству, Егоже Серафимы суть священнословцы».

Литургія длилась 1^{1/2} часа, но отпѣваніе гораздо сокращеннѣе нашего православнаго. Замѣчательно, что не провозглашается и не поется «вѣчная память».

Гробъ былъ опущенъ около того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, возлѣ могилы покойной супруги, передъ самымъ алтаремъ. На алтарномъ же возвышеніи прямо передъ гробомъ графини могила 11 лѣтняго единственнаго ихъ сына Христофора, умершаго въ 1864 году.

При опущеніи гроба въ склепъ, членъ совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія, Разцвѣтовъ, сказалъ

нѣсколько простыхъ словъ, дышавшихъ правдою. Слова: «добрый человѣкъ, высокій и честный гражданинъ, истинный христіанинъ», выдѣлились особенно отчетливо, какъ бы произнесенныя каждымъ, кто тутъ присутвовалъ съ сокрушеннымъ сердцемъ. Еще въ гостиничномъ покоѣ, гдѣ утомившимся ходьбою была приготовлена трапеза, были сказаны душевные стихи г. Потѣхина. Тамъ, говорятъ, многіе вновь неудержимо плакали.

На девятый день сравнительно было мало молящихся: только родные и самые близкіе. Къ тому дню прибылъ изъ за границы родной племянникъ жены графа князь С. С. Абамелекъ-Лазаревъ съ своей молодой женой.

Со дня кончины графа во всѣхъ газетахъ появились статьи и некрологи. Первою по времени была статья профессора В. В. Докучаева въ «Новомъ Времени». Помѣщаемъ изъ нее нѣсколько выдержекъ:

«Тихо и безболѣзненно... отошелъ въ вѣчность, 79-ти лѣтъ, старѣйшій и вѣрнѣйшій слуга своего Государя... Одаренный отъ природы блестящими способностями, прекрасно знавшій новѣйшіе и классическіе языки,—юристъ по спеціальному образованію и гуманистъ по своей натурѣ и обладая къ тому же удивительно мягкимъ и спокойнымъ характеромъ, и еще болѣе—тактомъ, всегда и со всѣми ровный и корректный, покойный государственный дѣятель весьма быстро прошелъ всѣ многочисленныя ступени іерархической лѣстницы и умеръ, какъ солдатъ на посту, не покидая ни на минуту Высочайше врученнаго ему важнѣйшаго, труднѣйшаго и

наиболѣе отвѣтственнаго передъ Престоломъ и Отечествомъ поста Министра Народнаго Просвѣщенія... Пишущій эти строки можетъ засвидѣтельствовать, что графъ И. Д. Деляновъ, такъ сказать, до самой послѣдней минуты своей долгой службы, жилъ и питался важнѣйшими интересами Россіи, которые были для него гораздо ближе, дороже, и, главное, понятнѣе и доступнѣе, вслѣдствіе его удивлявшей всѣхъ опытности, чѣмъ это могло казаться для многихъ, не знавшихъ покойнаго лично»...

«Удивительно блестящій служебный успѣхъ никогда не затуманивалъ покойному ясности духовныхъ очей. Именно про него можно сказать, что никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ ничто человеческое не было ему чуждо... А какъ покойный относился къ учащейся молодежи, какихъ принциповъ онъ держался здѣсь, чѣмъ жило и болѣло это отеческое, можно сказать, золотое сердце, видно, для примѣра, хотя бы изъ слѣдующей истинно прекрасной рѣчи графа Делянова, произнесенной имъ при открытіи преобразованнаго Александромъ III—Миротворцемъ Новоалександрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства»...

Затѣмъ приводится текстъ самой рѣчи.

Въ тотъ-же день въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» писали:

«Россію постигло новое горе! скончался вѣрный слуга Русскаго Царя, человекъ съ истинно-русскими убѣжденіями и чистою, безконечно-доброю душой, стоявшій послѣднія пятнадцать лѣтъ во главѣ русскаго народнаго просвѣщенія,—скончался графъ Иванъ Давыдовичъ Деляновъ».

«Россія теряетъ въ немъ одного изъ видныхъ дѣятелей великой эпохи Александра III-го, одного изъ надежнѣйшихъ и опытнѣйшихъ совѣтниковъ нынѣ благополучно царствующаго Монарха».

«Царю и отечеству своему графъ И. Д. Деляновъ посвящалъ всѣ свои силы до послѣдняго издыханія, сохранивъ, несмотря на свой восьмидесятилѣтній возрастъ, ясное спокойствіе ума, умудреннаго житейскимъ опытомъ долголѣтняго государственнаго служенія, и удивительное сердечное благодушіе, вызывавшее глубокія къ нему симпатіи даже среди враговъ его».

Припоминая эпоху назначенія И. Д. Делянова министромъ—статья приводитъ слова покойнаго М. Н. Каткова.

«Мы сообщаемъ сегодня полученное нами изъ достовѣрнаго источника извѣстіе о назначеніи И. Д. Делянова Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Кому не извѣстно это имя? Кто въ вѣдомствѣ нашего Народнаго Просвѣщенія не знаетъ И. Д. Делянова и что не извѣстно ему въ этой сферѣ? кого онъ не знаетъ изъ лицъ служащихъ этому дѣлу? Это должно успокоить всѣхъ, кому дорого дѣло нашего народнаго просвѣщенія. Назначеніе это свидѣтельствуетъ, что испытаніе нашей школы кончилось, что кризисъ, которому она подвергалась, миновалъ благополучно»...

«Прошло шесть лѣтъ неутомимой работы новаго министра на почвѣ доставшагося ему тяжелаго наслѣдія,—продолжаетъ авторъ передовой статьи—и уже 23 Ноября 1888 года Императоръ Александръ III всенародно засвидѣтельствовалъ его заслуги на этомъ многотрудномъ поприщѣ, возведя его въ графское достоинство и осчастлививъ его Всемилоствѣйшимъ Рескриптомъ, кото-

рый самъ по себѣ является выдающимся памятникомъ великаго Царствованія».

«Въ назиданіе всему современному русскому обществу, Русскій Царь высказывалъ милостивое одобреніе Своему вѣрному слугѣ въ слѣдующихъ словахъ:

«Дѣятельность ваша была всегда направлена къ охраненію въ законахъ Нашихъ зиждительныхъ началъ вѣры и порядка, основаннаго на Самодержавіи»!

«Тотъ-же Высочайшій Рескриптъ содержалъ въ себѣ и другія знаменательныя слова, сохранившія свое важное значеніе и въ настоящее время, свидѣтельствуя объ одной изъ наиболѣе горячихъ заботъ Великаго Царя».

Постепенное, но непреклонное направленіе», говорилъ Онъ графу Делянову, «даваемое подъ руководствомъ вашимъ устройству учебнаго дѣла, на одинакихъ началахъ во всей Россіи, упрочиваетъ въ будущемъ господство русскаго языка на всѣхъ окраинахъ Нашей Имперіи»...

Россія—продолжаетъ передовая статья—сохранить о немъ благодарную память не только какъ о государственномъ дѣятелѣ, но и какъ о человѣкѣ...

«Кто хоть разъ видѣлъ графа Ивана Давыдовича, кто хоть разъ бесѣдовалъ съ нимъ, тотъ невольно умилялся его кротостію, безпредѣльною добротою, полнѣйшею незлобивою, постоянною готовностью помочь всѣмъ и каждому, чѣмъ только онъ могъ. Высокіе чины и почести никогда ни въ чемъ не мѣняли его искренней простоты, чуждой всякой гордости и высокомерія».

«Онъ всегда и на всѣхъ ступеняхъ своего государственнаго служенія оставался все тѣмъ-же радушнымъ, привѣтливымъ человѣкомъ, доступнымъ во всякое время всѣмъ, кто желалъ его видѣть и не знавшимъ большей

радости, какъ если онъ могъ сдѣлать или сказать кому нибудь что-либо пріятное. Сколько нужды онъ облегчалъ, сколько горя утѣшалъ незримо для міра и избѣгая благодарности! Нужно было видѣть какъ страдала его чистая душа, когда ему казалось, что онъ кого нибудь невольно обидѣлъ, какъ онъ старался загладить малѣйшіе слѣды этой, иной разъ мнимой, обиды, и какъ онъ не успокоивался до тѣхъ поръ, пока не вселялъ отраднаго чувства въ душѣ обиженнаго».

«Его чуткому, отзывчивому сердцу соотвѣтствовалъ его не менѣе чуткій и отзывчивый умъ, всегда живо интересовавшійся не только спеціальными вопросами его вѣдомства, но и всею окружающею жизнью. Отличаясь вообще тонкимъ знаніемъ людей и вѣрною ихъ оцѣнкой, графъ И. Д. Деляновъ сохранилъ до конца своей жизни рѣдкое свойство вѣрно понимать русскую учащуюся молодежь во всѣхъ ея качествахъ и недостаткахъ, во всѣхъ ея нуждахъ и интересахъ; этимъ объясняется то чарующее впечатлѣніе, которое онъ производилъ, на примѣръ, на студентовъ, когда ему приходилось бесѣдовать съ ними.

Въ «Гражданинѣ» мы прочли слѣдующее:

«Это послѣдній уходящій съ арены высшихъ государственныхъ лицъ Николаевецъ.

«Люди той эпохи уносятъ съ собою то, что было ихъ духовнымъ достояніемъ, и что такъ сильно ихъ отличаетъ отъ нынѣшнихъ,—духъ бодрый и сильный, съ которымъ вездѣ и всегда они были и сознавали себя отвѣтственными слугами своего Государя и Россіи, не умѣя иначе быть государственными людьми, какъ въ цѣльности и въ полнотѣ своихъ личностей, своихъ убѣжденій и своихъ идеаловъ»...

«Графъ Деляновъ имѣлъ, сверхъ этихъ цѣнныхъ и высокихъ качествъ Николаевского времени, свои собственные, глубоко-симпатическія черты, рѣзко отдѣлявшія его отъ многихъ сановниковъ. Это неистощима доброта, соединявшаяся съ прелестнымъ по тонкости и по юмору умомъ, и доступность, которой никогда ни въ комъ я не видѣлъ за все время моихъ сношеній съ людьми... Были люди, я ихъ помню, искавшіе популярности, и для этого прибѣгавшіе къ искусственной и напускной, такъ сказать, доступности, доступности на показъ, нерѣдко соединявшейся съ презрѣніемъ къ дѣйствительной нуждѣ, когда она была темна и безмолвна; но у графа Делянова эта доступность всякой нуждѣ и всякому нуждающемуся въ немъ человѣку была прекрасною потребностью его души, любившей человѣка, любившей помогать ему, любившей всякаго, приходящаго къ нему съ довѣріемъ...

«Въ этомъ смыслѣ смерть графа Делянова для обширной семьи учащейся молодежи утрата незамѣнимая: такого отца, такого друга, такого простого по близости къ каждому изъ нихъ Министра они никогда уже не найдутъ».

«Вѣдь все утро ежедневно у графа Делянова посвящалось на доступъ къ нему, безъ курьеровъ, безъ дежурныхъ чиновниковъ, а иногда даже безъ лакея; нуждавшійся отворялъ дверь кабинета Министра и входилъ, и входя, находилъ въ Министрѣ пріемъ не только добраго, но родного человѣка»...

«И при этомъ, обладая полною памятью до послѣдней своей предсмертной минуты, онъ все помнилъ и всякаго помнилъ, такъ что забыть обращавшагося къ нему со своею нуждой человѣка для него было невозможно»...

Въ Русскомъ Словѣ:

«Графъ Деляновъ какъ разъ и жилъ въ такую эпоху, когда, при всемъ сознаніи важности вопроса о народномъ образованіи, нельзя было особенно спѣшить съ его окончательнымъ и безповоротнымъ рѣшеніемъ».

«Графъ Деляновъ отлично сознавалъ необходимость самаго широкаго распространенія въ Россіи благъ просвѣщенія, но онъ понималъ, что излишнею поспѣшностью въ этомъ вопросѣ можно, съ одной стороны, до крайности надорвать платежныя силы населенія, а съ другой—создать цѣлый контингентъ людей полуобразованныхъ, или, вѣрнѣе сказать, полуневѣжественныхъ, которые въ обще-государственныхъ интересахъ могутъ оказаться вреднѣе даже вполнѣ необразованныхъ людей».

«Поэтому онъ велъ дѣло народнаго образованія въ Россіи твердо, но осторожно. Медленно, шагъ за шагомъ, проводилъ онъ въ жизнь цѣлый рядъ реформъ, изъ которыхъ каждая имѣла цѣнность и значеніе не столько сама по себѣ, сколько какъ средство къ достиженію въ ближайшемъ будущемъ возможности приступить къ болѣе энергичнымъ и широкимъ работамъ въ области народнаго просвѣщенія».

«Заслуги графа Делянова заключаются въ томъ, во-первыхъ, что онъ приготовилъ широкое поле дѣйствій для своихъ преемниковъ, тщательно очистивъ его отъ всякихъ препятствій, могущихъ тормозить развитіе образованія въ Россіи, а во-вторыхъ, и это главное, что онъ бережно и любовно хранилъ въ Россіи огонь истинно русскаго благаго просвѣщенія, зажженный еще Владиміромъ Святѣмъ».

«Эта заслуга графа Делянова не забудется никогда,

и имя его займетъ почетное мѣсто въ ряду другихъ славныхъ въ исторіи русскаго просвѣщенія именъ».

Въ «Петербургской газетѣ» и многихъ другихъ появляются рассказы уже прямо анекдотическаго свойства, по большей части правдивые, но иногда и не совсѣмъ точные: о доступности графа, о пріемахъ всѣхъ желавшихъ его видѣть, о томъ, какъ нуждающіеся испытывали его терпѣніе. Приводится эпизодъ о томъ, какъ графъ Иванъ Давыдовичъ сталъ грудью за ректора С.-Петербургскаго университета Владиславлева.

Во второй статьѣ Московскихъ Вѣдомостей, посвященной памяти графа Ивана Давыдовича (31 Декабря), приводятся мѣста изъ рѣчи его, сказанной студентамъ въ клиникахъ Московскаго Университета, въ 1891 году, а равно и слово, сказанное 7 Августа прошлаго года, при открытіи XII международнаго съѣзда врачей. Въ «Южномъ Краѣ» некрологъ заключается припоминаніемъ этой же «одной изъ прекрасныхъ рѣчей, рѣчи покойнаго министра».

Къ этимъ свидѣтельствамъ современниковъ, сплотившихъ неувядаемый вѣнокъ блаженной памяти Министру, присоединилась еще скромная незабудка на только что закрытую «могилу нашего добраго, милаго, умнѣйшаго графа Ивана Давыдовича Делянова».

«Со скорбнымъ чувствомъ о постигшей насъ, волею Божіей, утратѣ, ѣхалъ я на его погребеніе; но моя скорбь растворилась утѣшительнымъ словомъ везшаго меня извозчика.

«Когда я подъѣзжалъ къ квартирѣ покойнаго, извозчикъ мой обратился ко мнѣ съ неожиданнымъ вопросомъ: «Вы, видно, ѣдете на похороны нашего бари-

на? Къ нему на похороны пріѣхали самъ Царь, всѣ министры, градоначальникъ».

— Почему онъ твой баринъ?

«Да мы калужскіе и его крѣпостные. Вотъ ужъ былъ баринъ, царство ему небесное! Такихъ уже теперь нѣтъ. Иванъ Давидычъ не оставлялъ насъ и тогда, когда насъ освободили».

«Съ величайшимъ умиленіемъ внималъ я этимъ словамъ и, провожая почившаго въ путь всея земли, мнѣ вспомнилось, что подобное же мнѣ сказывалъ нѣкогда покойный князь Павелъ Петровичъ Вяземскій. Однажды князь ѣхалъ по Невскому; проѣзжая армянскую церковь, извозчикъ также неожиданно обратился къ нему со словами: «Вотъ здѣсь живетъ нашъ баринъ Иванъ Давыдовичъ. Мы за него ежедневно молимся Богу. Такой уже благодѣтельный баринъ!»

Благотворительность графа Ивана Давыдовича была поистинѣ Евангельская...

«Блаженни милостивіи, яко ти помилованы будутъ» *).

Начиная съ Правительственнаго Вѣстника и кончая журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, появился рядъ некрологовъ. Въ некрологахъ нельзя было не очертить заслугъ покойнаго, но можно было обойтись безъ намековъ, безъ замѣтныхъ пропусковъ и безъ тенденціозной оцѣнки различныхъ реформъ: иная изъ этихъ надгробныхъ статей требуетъ пополненія, другая нуждается въ поясненіи, третья возбуждаетъ опроверженія.

*) Н. П. Барсуковъ. Московскія Вѣдомости 1898 г., № 5.

Мы ограничимся лишь приведеніемъ выдающихся сторонъ дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія въ управленіе покойнаго Министра.

Ко времени управленія Ивана Давыдовича Делянова Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія относятся слѣдующія мѣропріятія:

Составленъ новый уставъ Россійскихъ Императорскихъ университетовъ.

Открытъ университетъ въ Томскѣ.

Пересмотрѣны (въ 1890 году) учебные планы классическихъ гимназій.

Открытъ Харьковскій технологическій институтъ.

Измѣненъ уставъ С.-Петербургскаго технологическаго института.

Расширены и организованы: Комисаровское техническое училище въ Москвѣ, Красноуфимское реальное училище, приспособленное къ сельско-хозяйственнымъ потребностямъ. Иркутское техническое училище. Высшіе женскіе курсы вновь открыты.

Пересмотрѣно положеніе объ учительскихъ семинаріяхъ.

Въ видахъ объединенія окраинъ съ иновѣрнымъ населеніемъ, въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія приняты изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ до 2000 школъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Для управленія этими школами образованы дирекціи и выработаны особые правила.

Въ Прибалтійскихъ-же губерніяхъ преобразованы и открыты вновь болѣе 20 городскихъ училищъ.

Въ Харьковѣ сооружены новыя клиники съ необхо-

димыми для нихъ постройками (400,000 рублей) и еще два зданія: геологическій кабинетъ и ботаническій институтъ (75,000 руб.) *).

За 16 лѣтъ бюджетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія при графѣ И. Д. Деляновѣ возросъ почти на семь съ половиною милліоновъ, т. е. менѣе чѣмъ по полумилліону въ годъ.

Этой краткой, но много говорящей лѣтописью дѣятельности Министра окончимъ мы наше слово о почившемъ. Судь о заслугахъ государственнаго дѣятеля еще не пережилъ своей законной давности, а современники—это ихъ право—уже занесли въ отечественную лѣтопись черты необыкновеннаго человѣка, неутомимаго работника и полного любви къ ближнему христіанина.

*) Мы не можемъ съ точностью указать, на что употреблены остальные 1.225,000 изъ кредита Высочайше разрѣшеннаго на улучшеніе учебно-вспомогательныхъ установленій при шести университетахъ Имперіи.

**Рѣчь, произнесенная графомъ Иваномъ Давыдовичемъ въ
Москвѣ, 5-го сентября 1891 года.**

«Я осматриваю эти клиники во второй разъ и не могу не надивиться грандіозности этихъ построекъ, цѣлесообразности ихъ устройства и быстротѣ, съ которою онѣ сооружены. Кому же мы за это все обязаны благодарностью? Конечно прежде всего и болѣе всего Государю Императору, который есть первоисточникъ всякаго въ Россіи добра, чье сердце горитъ любовью къ Россіи и Которому дорого религіозное, умственное и нравственное ея преуспѣяніе. Затѣмъ мы должны благодарить Департаментъ Экономіи Государственнаго Совѣта, съ предсѣдателемъ его Александромъ Агѣичемъ Абазой, которые вникли въ нужды Московскаго университета и предстательствовали о нихъ предъ Его Величествомъ. Воздадимъ признательность нашу Министру Финансовъ Ивану Алексѣевичу Вышнеградскому, который, не смотря на затрудненія, постоянно встрѣчающіяся въ многотрудной работѣ приведенія въ равновѣсіе государственныхъ доходовъ и расходовъ, сдѣлалъ все возможное для пріисканія средствъ для сего дѣла. Считаю долгомъ упомянуть здѣсь о Московскомъ городскомъ управленіи: оно для блага населенія Москвы охотно уступило огромное мѣсто, нынѣ превратившееся изъ поля въ застроенную часть города. Не можемъ забыть о большихъ пожертво-

ваніяхъ, сдѣланныхъ г-жами Морозовой, Хлудовой, Пасхаловой и г. Солодовниковымъ. Иные скажутъ, пожалуй: чтò-жь тутъ особеннаго? вѣдь они обладаютъ огромными средствами. Такое возраженіе совершенно неправильно: богатство имъ не свалилось съ неба, а досталось трудами ихъ самихъ или ихъ отцовъ и дѣдовъ. Они, находясь, какъ сказалъ поэтъ: «среди роскоши, прохлады и нѣгъ», легко могли бы употребить свои избытки на удовлетвореніе эфемерныхъ нуждъ и удовольствія другого рода. Но они предпочли пожертвовать эти избытки на пользу науки, учащагося юношества и страждущаго человѣчества. Благо имъ, и конечно имена ихъ должны быть внесены въ лѣтописи Московскаго университета и русскаго просвѣщенія. Считаю долгомъ благодарить попечителя Московскаго учебнаго Округа графа Павла Алексѣевича Капниста за необыкновенное усердіе, съ которымъ онъ это дѣло началъ, и энергію, съ которою онъ довелъ его до конца. Я самъ былъ свидѣтелемъ его трудовъ и заботъ по этой части и могу утвердительно сказать, что онъ въ это дѣло вложилъ, если не всю свою душу, то по крайней мѣрѣ двѣ трети души. Я бы сказалъ гораздо больше, если бы графъ здѣсь не присутствовалъ и я не боялся бы оскорбить его скромности. Но одинъ въ полѣ не воинъ—и графъ Капнистъ не могъ бы совершить сего подвига, еслибъ ему не помогли г.г. профессоры Московскаго университета: Клейнъ, Кожевниковъ, Эрисманъ, Склифасовскій и другіе, вмѣстѣ съ совѣтникомъ правленія Боголѣповымъ. Гг. профессоры своими спеціальными знаніями и своею научною опытностью содѣйствовали устройству клиникъ сообразно потребностямъ современной науки. Нельзя также не отнестись съ величайшею благодар-

ностью къ почтенному нашему архитектору К. М. Быковскому. Дѣло, имѣ совершенное, говоритъ само за себя: оно у насъ предъ глазами».

Затѣмъ Министръ обратился къ студентамъ:

«Вы, господа, посвятили себя медицинской наукѣ, изученіе коей сопряжено съ огромнымъ трудомъ и требуетъ въ послѣдствіи отъ васъ большаго самоотверженія. Въ настоящее время вы слушаете по 25 и даже по 30 лекцій въ недѣлю. Но труды ваши не кончатся съ окончаніемъ вами курса. Врачу, который захочетъ стоять на высотѣ своей науки, приходится слѣдить за обширною литературою естественно-историческою и медицинской. Тотъ, кто—хотя и не долго—будетъ стоять на одномъ мѣстѣ, непременно отстанетъ.

Перейду отъ обязательнаго вамъ труда къ вашему призванію. При мысли о самоотверженіи, которое долженъ проявлять врачъ, мнѣ приходитъ на память сказанное покойнымъ профессоромъ Московскаго университета Оверомъ въ слышанной мною его актовой рѣчи:

Fortis miles in pugna, fortior pater familias in rebus adversis, fortissimus omnium medicus in epidemiis contagiosisque inter acervas demorientium et mortuorum». Дѣйствительно, нельзя не преклониться передъ воиномъ, который осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, идетъ за вѣру, Царя и отечество на вѣрную смерть; нельзя отказать въ дани сочувствія отцу семейства, который въ теченіе цѣлаго ряда годовъ борется съ препятствіями, преодолеваетъ затрудненія для того только, чтобы прокормить большое семейство. Но что сказать о врачѣ, который, во время эпидемическихъ болѣзней, или на перекресткахъ пунктахъ, среди раздирающихъ душу стонъ страдальцевъ и вздоховъ томящихся въ предсмерт-

ной агоніи, дѣлаетъ свое время мужественно и, забывая о себѣ, своемъ покоѣ и здоровьѣ, помогаетъ страждущимъ нерѣдко до послѣдняго издыханія. Такого рода подвигъ выше всякой человѣческой похвалы, потому что онъ основанъ на любви Евангельской. Къ этому считаю нужнымъ преподать вамъ нѣкоторые совѣты—они вамъ пригодятся. Одни изъ васъ будутъ врачами въ столицахъ и большихъ городахъ, гдѣ много обывателей богатыхъ и гдѣ вознагражденіе за трудъ можетъ быть значительнѣй; другіе же попадутъ въ города бѣдные и въ селенія, гдѣ вознагражденіе за трудъ скудное, а часто не будетъ и никакого. Но если вы желаете быть вѣрны своему высокому призванію и стать истинными помощниками страждущаго человѣчества, то идите съ готовностію туда, куда васъ призовутъ. Идите на призывъ богатаго и бѣднаго, знатнаго и незнатнаго, въ чертоги богатей и въ хижины бѣдныхъ. Вы лучше меня знаете, что есть болѣзни, которыя не поддаются никакому леченію, но идите и туда, гдѣ смерть больного неминуема. Говорю вамъ какъ человѣкъ и христіанинъ: не забывайте, что ваше ласковое слово, вашъ заботливый уходъ, вашъ сердобольный взглядъ и наконецъ одно ваше присутствіе можетъ утѣшить болящаго, поднять его угнетенный духъ, усладить горечь его послѣднихъ дней; и при тѣхъ надеждахъ и обѣтованіяхъ, которыя даются человѣку религіей, даже содѣйствовать облегченію перехода отъ сей жизни въ жизнь вѣчную. Конечно, при этомъ образѣ дѣйствій вы не пріобрѣтете много матеріальныхъ благъ, но, не говоря уже о благахъ небесныхъ, коихъ предвкушеніе хранится въ тайникахъ души человѣческой, вы и на землѣ пріобрѣтете величайшую награду, которая доступна здѣсь человѣку, прі-

обрѣтете сознаніе исполненнаго долга и утѣшенія совѣсти, этого неподкупнаго и безпристрастнаго судьи, свидѣтеля и цѣнителя всѣхъ нашихъ дѣлъ и поступковъ.

Друзья мои, вы занимаетесь анатоміей, гистологіей, дѣлаете вивисекціи,—все это въ высшей степени полезно и необходимо; но мнѣ кажется, что непрерывныя занятія такими предметами все-таки нѣсколько матеріализуютъ душу. Необходимо питать ее иногда и идеалами. А для того продолжите развивать въ себѣ тѣ основы общаго образованія, которыя вы пріобрѣли въ средней школѣ. Читайте великихъ ораторовъ духовныхъ и свѣтскихъ, изящныхъ прозаиковъ, знаменитыхъ поэтовъ. Занятія такою литературой смягчаютъ душу, окрыляютъ воображеніе, отрываютъ отъ насъ тину и грязь, въ которую втягиваетъ насъ будничная жизнь съ ея страстями, домогательствомъ, искательствомъ и нечистыми впечатлѣніями.

И тутъ, въ подтвержденіе моихъ словъ приведу вамъ слышанное мною неоднократно въ бесѣдахъ съ знаменитымъ нашимъ хирургомъ Николаемъ Ивановичемъ Пироговымъ. Онъ говорилъ и, кажется, гдѣ-то и выразилъ на письмѣ, что врачъ, не имѣющій общаго образованія и не интересующійся произведеніями великихъ мыслителей и поэтовъ,—не есть врачъ, а ремесленникъ.

Профессоры ваши напрягаютъ всѣ силы своего ума и своей воли для того, чтобы преподать вамъ науку во всей ея полнотѣ, для того, чтобы довести васъ, какъ нынѣ принято говорить, до послѣдняго слова науки. Каждый изъ почтенныхъ вашихъ наставниковъ будетъ безмѣрно радъ, если кто-либо изъ васъ съ нимъ сравняется и еще болѣе будетъ радъ, если кто нибудь изъ

васъ станетъ выше его. Пользуйтесь временемъ и трудитесь неустанно. Корифеи науки: Кювье, Гумбольтъ, Клодъ-Бернаръ, Гельмгольцъ, Вирховъ, Листеръ, Пироговъ, такіе-же люди, какъ и вы. И они, при всѣхъ ихъ способностяхъ не достигли бы до той высоты, еслибы вмѣсто того, чтобы посвящать все свое время изслѣдованію силъ природы и примѣненіямъ этихъ силъ къ потребностямъ человѣка, они увлекались-бы мечтаніями о переустройствѣ государствъ и пустозванными разглагольствованіями объ измѣненіи историческихъ судебъ. Подражайте примѣру этихъ досточтимыхъ дѣятелей. И кто знаетъ? можетъ быть изъ васъ выработаются хорошіе профессоры и знаменитые ученые.

Друзья мои, стремитесь къ тому, чтобы сбылось желаніе нашего великаго русскаго человѣка филолога, поэта, химика, физика и астронома М. В. Ломоносова, чтобы наше дорогое отечество рождало и собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ.

Отъ полноты сердца желаю, чтобы вы окончили курсъ блистательно и со временемъ достигли высшихъ ученыхъ степеней и званій.

Рѣчь произнесенная графомъ Иваномъ Давыдовичемъ на съѣздѣ врачей, въ Москвѣ 8 августа 1897 года.

Министръ народнаго просвѣщенія Графъ И. Д. Деляновъ обратился къ собранію XII международнаго съѣзда врачей со слѣдующимъ привѣтственнымъ словомъ на латинскомъ языкѣ:

Saepe numero deliberanti mihi mecumque in animo volenti, quo sermone alloquar vos, viri spectatissimi, nomine

ministerii institutionis publicae, quod mihi ab Autocratore Russiae demandatum est, optimum visum est uti sermone latino, qui omnibus vobis, viris scientiam colentibus, aequae ac vernaculus sermo notus est. Quare toto pectore saluto adventum vestrum.

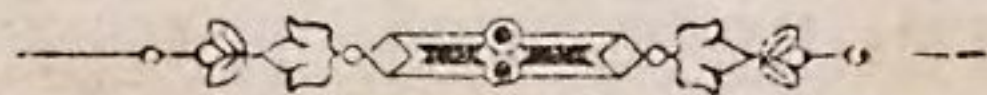
Summopere gaudeo dum video vos congregatos Mosquae in ipso corde Russiae, quae urbs omnium laetorum ac tristium in patria nostra particeps fuit. Gaudeo, quod aliqui vestrum insignem honorem habuerunt adeundi clementissimum juvenem Imperatorem Nostrum, qui congressum vestrum Suis Auspiciis honorare dignatus est, Imperatorem, a quo nihil humani alienum est et cui, omni timore adulandi deposito, cum justa superbia illud cognomen addere possumus olim Romanorum Caesari Tito dato: deliciae et solatium generis humani.

Ex animi sententia opto, ut praesens coetus virorum doctorum, operibus suis adjuvet progressum scientiae medicae et ut ex honorifico et frequentissimo medio vestro proferantur novi thesauri doctrinae similes iis quos ex penetralibus ingeniorum et ex umbra et solitudine officinarum suarum protulerunt viri illustrissimi Harvey, Jenner, Helmholtz, Pasteur, Pirogov, Virchov, Lister, alli quos suspiciunt viri docti totius orbis et quorum memoria cara est generi humano.

Переводъ. «Послѣ долгаго размышленія, на какомъ языкѣ васъ привѣтствовать, досточтимые слушатели, отъ имени Министерства Народнаго Просвѣщенія, которое мнѣ ввѣрено Монархомъ Россіи, я рѣшилъ, что лучше всего привѣтствовать васъ на языкѣ латинскомъ, ибо онъ извѣстенъ всѣмъ вамъ, мужамъ науки, также хорошо, какъ и свой отечественный. Итакъ отъ всего сердца привѣтствую ваше сюда прибытіе.

«Радуюсь, что вижу васъ въ Москвѣ, этомъ сердцѣ Россіи, городѣ который переживалъ вмѣстѣ съ отечествомъ всѣ печальные и радостные моменты его исторіи. Радуюсь, что нѣкоторые изъ васъ имѣли счастіе видѣть нашего всемилостивѣйшаго молодого Государя, удостоившаго ваше собраніе принятіемъ его подъ Свое верховное покровительство, Государя, которому ничто человѣческое не чуждо и которому, не опасаясь обвиненія въ лести, можно со справедливою гордостью придать наименованіе, присвоенное нѣкогда Римскому императору Титу: услада и утѣшеніе рода человѣческаго.

«Отъ всей души желаю, чтобы настоящее сонмище ученыхъ содѣйствовало своими трудами развитію медицинской науки и чтобъ изъ почтенной и многолюдной среды вашей вынесены были новые вклады въ науку, подобны тѣмъ, которые въ глубинѣ своего геніальнаго духа и въ тиши своихъ лабораторій выработаны были знаменитыми Гарве, Дженнеромъ, Гельмгольцемъ, Пастѣромъ, Пироговымъ, Вирховымъ, Листеромъ и нѣкоторыми другими, передъ коими преклоняется весь ученый міръ и коихъ память дорога для всего человѣчества».

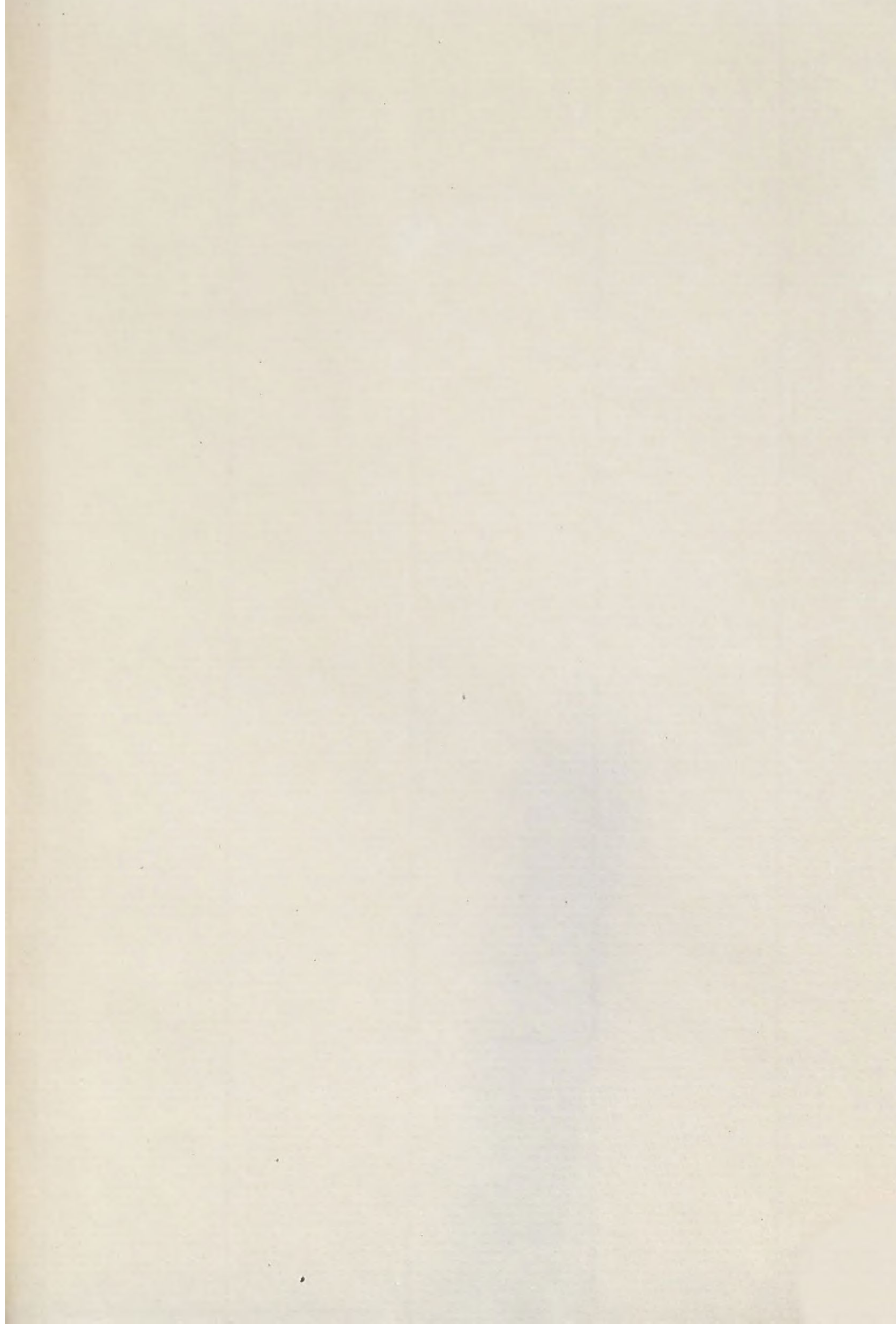

ЛЕНИНГРАД
Магистр
Р. 5
№ 10 019145/272

5

Цѣна 30 коп.

Продается въ Коммисіи народныхъ чтеній—Спб., Лиговская ул.,
д. 19, кв. 13. .

06. Juni 2003

Buchbinderei
H. Pantele
85376 Massenhäuser
Tel.: 08165 - 801 808

